

ОСНОВА

1861

АВГУСТЪ.

СОДЕРЖАНИЕ:

- I. Кобзарь, XXVIII—XXXI. Т. Г. Шевченка.
- II. Дневникъ Т. Г. Шевченка.
- III. Не такъ ждалось, да такъ сложось, II. Кузьменка.
- IV. Таиський, Митра Омельковича.
- V. Мои воспоминанія, Ка—на.
- VI. Стихи Ст. Руданьского, В. Ст. Булика, А. А. Навроцького, II. Н. Петрова.
- VII. Ответъ на статью В. Крестовскаго, II. Н. Костомарова.
- VIII. Кобзарь: Частина поэмъ: Еретикъ Иванъ Гусь, XXXII, XXXIII. Т. Г. Шевченка.
- IX. Черноморскіе козаки, II. Н. Костомарова.
- X. Говорилъ ли Полуботокъ Петру Великому рѣчь, приводимую Конисскимъ? Ал. М. Лазаревскаго.
- XI. Ответъ на письмо г. Максимовича къ г. Погодину о нарѣчїи Малорусскомъ, II. Лавровскаго.
- XII. Памятное дѣло.
- XIII. Акты историческіе и юридическіе.
- XIV. Правительственные постановленія и распоряженія, касающіяся Южнорусскаго края.
- XV. Вісті и мелкія статьи. Листъ зъ Дударивъ, Б. Познаньскаго, Зъ Подорожника, Кузьмы Шановала, Погуковщина, II. Н. Чубинскаго, «Ясная—Поляна,» Южные экспоненты, Механическія заведенія.
- XVI. Историческая Библиографія, Б. Н. Межова.
- XVII. Объясненіе къ рисункамъ «Живописной Украины», Л. М. Ж.
- XVIII. Объясненіе неудобопонятныхъ украинскихъ словъ.
- XIX. О дѣтскомъ языкѣ, Л. Яценка, и проч.
- XX. О дѣ редакци.

Т. 107.

ОСНОВА

1008 (28)

ЮЖНО-РУССКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-УЧЕНЫЙ

ВѢСТНИКЪ

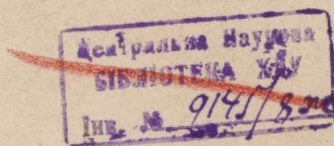
168980

«Добра хочу братья и Русскѣй Земли.»

Владиміръ Мономахъ.

1861

АВГУСТЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ТИВЛЕНА И КОМП.

52

2

7.107.

ОСНОВА

ЮЖНО-УСЛАНСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

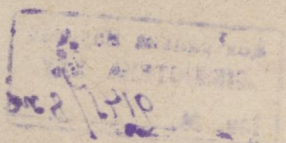
съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, Сентября 22 дня, 1861 года

Ценсоръ Ст. Лебедевъ.

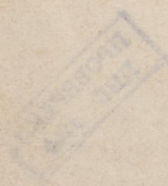
«Договоръ о дружбѣ и торговлѣ между Россіей и Японіей»
Въ Петербургѣ 22 Сентября 1861 года

102222/

1861

ВЫДСТР.

С-ПЕТЕРБУРГЪ

ВЪ ГИСТОРАФИИ И ТИПЕЛНІИ И КОМП.

3

КОБЗАРЬ.

XXVIII.

И широкую долину,
И високую могилу,
И вечернюю годину,
И що снилось—говорилось —
 Не забуду я.
Та що зъ тѣго?.. не побрались:—
Розійшлися, мовъ не знались...
А тимъ часомъ дорогій
Літа наші молодії
 Марне пронеслись.
Помарніли ми обѣ,
Я—въ невѣлі, ти—вдовѣю,
Не живѣмъ, а тільки ходимъ
Та згадуемъ тіі гѣди,
 Якъ жили колись.

XXIX.

Зійшлись, побрались, поєднались,
Помолоділи, підрослі,
Гаєкъ, садѣчокъ розвели
Кругѣмъ хатини. И пишались
Неначе князі. Діти грались,
Рослі собі та виростали...

Дівчато́къ моска́лі укра́ли,
 А хло́пцівъ въ моска́лі забра́ли,
 А ми ненáче розійшли́сь—
 Ненáче бра́лись—не еднали́сь.

XXX.

Не верну́вся изъ похóду
 Гусáринъ — моска́ль.
 Чого́жъ ми́ні ё́го шко́да
 Чого́ ё́го жалё?
 Що на ё́му жу́панъ кúций,
 Що гусáринъ чорноу́сий,
 Що Ма́шою зва́въ?
 Ні, не то́го ми́ні шко́да;
 А марніе моя́ врёда
 Лю́де не берúть;
 А на ўлиці́ дівча́та
 Насміха́юця прокля́ті —
 Гусáркою звúть!..

XXXI.

Титарівна—Немирівна
 Гапту́е хустину́,
 Та коли́ше москoвщиня́—
 Малýю дитину́.
 Титарівна—Немирівна
 Лю́дьми горду́вала...
 А моска́ля—пройдисві́та
 Ни́щечкомъ віта́ла!
 Титарівна—Немирівна
 Почёстного́ рóду...
 Вигляда́е пройдисві́та
 Моска́ля зъ похóду.

19 октября 1860 р.

С-П-Б.

Т. Шевченко.

ДНЕВНИКЪ Т. ГР. ШЕВЧЕНКА.

Четвертый отрывокъ.

9 іюля.

Передъ закатомъ солнца, заштилѣло, а въ сумерки поднялся свѣжій вѣтеръ отъ нордъ-оста, прямо въ лобъ нашей почтовой лодкѣ. Она теперь въ открытомъ морѣ бросила якорь; а когда подыметъ — Богъ знаетъ. Нордъ-остъ здѣсь господствующій вѣтеръ. Онъ можетъ простоять долго и продлить мою, и безъ того — длинную, неволю далеко за предначертанную мною границу, т. е. за 20 іюля. Грустно, невыразимо-грустно. Впродолженіи ночи я не могъ заснуть: меня грызла и гоняла, какъ на кордѣ, вокругъ огорода, самая свирѣпая тоска. На разсвѣтѣ, я пошелъ къ морю, выкупался, и тутъ же, на пескѣ, заснулъ. — Видѣлъ во снѣ покойнаго Аркадія Родзянку въ его веселомъ *Подолѣ*, близъ Хорола; — показывалъ онъ мнѣ свой черзчуръ-затѣйливый садъ, толковалъ о возвышенной простотѣ и идеалѣ въ искусствахъ вообще и въ литературѣ въ-особенности; ругалъ напоевалъ грязнаго циника — Гоголя, и въ-особенности *Мертвыя Души* казнилъ немилосердо; потомъ потчивалъ какими-то герметически-закупоренными кильками и своими сальными малороссійскими виршами. — Разбудилъ меня мелкій тихій дождикъ, и я побѣжалъ на огородъ мокрой курицей.

Говорятъ, о чемъ наяву думаемъ, то и во снѣ пригрезится. Это не всегда такъ. Я, напримѣръ, Аркадія Родзянку видѣлъ одинъ разъ, и то случайно, въ 1845 году, въ его деревнѣ — *Веселый Подоль*, и онъ мнѣ въ нѣсколько часовъ такъ надоѣлъ своей тупой эстетикой и своими малороссійскими стихами, что я убѣжалъ — къ его ближайшему сосѣду, и, какъ водится, злѣйшему врагу. Я забылъ даже, что видѣлся когда-то съ сальнымъ стихонлетомъ, а

онъ мнѣ сегодня во снѣ пригрезился. Какая же связь между моими грустными мечтами и между этимъ давно-забытымъ мною человѣкомъ? Капризъ нашей нравственной природы и совершенно никакой логической связи. И *Оракулъ* сотника Ч——нова едва ли объяснить загадку подобныхъ сновидѣній. Пойду однакожъ, на всякій случай, посмотрю въ это зеркало сокровенныхъ тайнствъ природы.

10 июля.

Вѣтеръ все тотъ же. Тоска та же самая. Дождь продолжаетъ омыwać новую луну. Такія длинныя любезности здѣсь съ нимъ рѣдко случаются. Я недвижимо пролежалъ весь день въ бесѣдкѣ и слушалъ однотонную тихую мелодію, производимую мелкими и частыми каплями дождя о деревянную крышку бесѣдки. Принимался нѣсколько разъ дремать, но неудачно. Проклятыя мухи со всего огорода слетѣлись въ бесѣдку и не даютъ покоя. Принимался нѣсколько разъ строить воздушные замки на своихъ будущихъ эстампахъ акватинта — также неудачно. *Гензерихъ* и *Осада Пскова*, Брюлова, мнѣ особенно не удавались. Нужно избѣгать на первый разъ наготы. Нуженъ опытъ и опытъ, а иначе эта очаровательная Брюловская нагота выйдетъ въ эстампѣ — безобразіе. Я не желалъ бы, чтобы мои будущіе эстампы были похожи на парижскій эстампъ акватинта, съ картины *Послѣдній день Помпеи*. Топорный, безобразный эстампъ. Поругано, обезображено гениальное произведеніе.

Въ такомъ скверномъ настроеніи унывающей души вспомнилъ я про *Umnicktwo piekne*, Либельта, и принялся жевать: жостко, кисло, приторно, — настоящий нѣмецкій супъ-вассеръ. Какъ, напримѣръ, человѣкъ такъ-важно трактующій о вдохновеніи, простосердечно вѣрить, что будто бы Іосифъ Вернетъ велѣлъ себя, во время бури, привязывать къ мачтѣ для полученія вдохновенія. Какое мужицкое понятіе объ этомъ неизреченномъ божественномъ чувствѣ. И этому вѣрить человѣкъ, пишущій эстетику, трактующій объ идеальномъ, возвышенно-прекрасномъ, въ духовной природѣ человѣка. Нѣтъ, и эстетика сегодня мнѣ не далась. Либельтъ, онъ только пишетъ по-польски и чувствуетъ (въ чемъ я сомнѣваюсь), а думаетъ по-нѣмецки, или, по-крайней-мѣрѣ, пропитанъ нѣмецкимъ идеализмомъ (бывшимъ, — не знаю какъ теперь). Онъ смахиваетъ на нашего Жуковского, въ прозѣ. Онъ также вѣрить въ безжизненную прелесть

нѣмецкаго, тощаго для жизни, идеала, какъ и покойный В. А. Жуковский.

Въ 1839 году, Жуковский, возвратившись изъ Германіи съ огромною портфелею, начиненною произведеніями Корнеліуса, Гессе и другихъ свѣтилъ Мюнхенской школы живописи, нашелъ Брюлова произведенія слишкомъ матеріальными, — придавляющими къ грѣшной землѣ божественное высшее искусство, и, обращаясь ко мнѣ и покойному Штернбергу, случившемуся въ мастерской Брюлова, предложилъ зайти къ нему полюбоваться и поучиться отъ великихъ учителей Германіи. Мы не преминули воспользоваться симъ счастливымъ случаемъ, и на другой же день явились въ кабинетъ германофила. Но, Боже! что мы увидѣли въ этой огромной, развернувшейся передъ нами, портфели: длинныхъ безжизненныхъ мадонъ, окруженныхъ готическими, тощими, херувимами, и прочихъ — настоящихъ — мучениковъ живаго улыбающагося искусства. Увидѣли Гольбейна, Дюрера, но никакъ не представителей девятнадцатаго вѣка. До какой степени, однакожъ, помѣшались эти нѣмецкіе идеалисты живописцы. Они не замѣтили, что въ архитектурѣ Кленца, для которой они творили свои готическія безобразныя творенія, и тѣни нѣтъ напоминающаго готическую архитектуру. Странное, непонятное затмѣніе!

Umniętwo piękne, Либельта, спрятавъ я въ дорожную *торбу*, и снова привелъ свою фигуру въ горизонтальное положеніе. Что дальше будетъ — не знаю.

Незабвенные золотые дни, мелькнули въ свѣтлымъ, радостнымъ сновидѣніемъ передо мною, оставивъ по себѣ неизгладимый слѣдъ чарующаго воспоминанія. Мы были тогда съ Штернбергомъ едва оперившіеся юноши, и, разсматривая эту единственную коллекцію идеальнаго безобразія, высказывали вслухъ свое мнѣніе, и своимъ простодушіемъ довели такого кроткаго и деликатнаго Василія Андреевича до того, что онъ назвалъ насъ испорченными учениками Карла Павловича, и хотѣлъ-было уже закрыть портфель передъ нашими носами, какъ вошелъ въ кабинетъ князь Вяземскій и помѣшалъ благому намѣренію Василія Андреевича. Мы продолжали, съ невозмутимымъ равнодушіемъ, перелистывать портфель и были награждены за терпѣніе первоначальнымъ эскизомъ *Послѣдняго дня Помпеи*, ловко начерченнымъ перомъ и слегка попятнаннымъ сѣніею. За этимъ геніальнымъ очеркомъ, почти неизмѣненнымъ въ картинѣ, слѣдовало нѣсколько топорныхъ чертежей Б., которые ужаснули насъ своимъ

заученымъ однообразнымъ безобразіемъ. И гдѣ, и изъ какого творческаго источника почерпнулъ и усвоилъ онъ эту ненатуральную манеру? Неужели это одно желаніе — быть оригинальнымъ такъ страшно обезобразило произведенія неутомимаго Б.? Жалкое желаніе. Грустный результатъ. И этотъ человѣкъ мечталъ еще равняться съ Карломъ великимъ! (такъ обыкновенно называлъ Брюлова В. А. Жуковский.).

Одинъ мой знакомый не-художникъ и даже не-записной, а такъ, просто — любитель изящнаго, смотря на извѣстную картину Б., сказалъ, что еслибы онъ былъ матерью того ребенка, что валяется на первомъ планѣ картины, то онъ не только взять на руки, — боялся бы подойти къ этому маленькому крестину. Замѣчаніе чрезвычайно вѣрное, и ловко высказано. А другая огромная его картина? Это — толпа безобразныхъ и самыхъ безталанныхъ актрисъ и актеровъ. Я видѣлъ ее въ подмалѣвкѣ, и она меня ужаснула. Непріятное, но все-таки впечатлѣніе. Оконченная же эта картина не произвела на меня даже и этого непріятнаго чувства. А вѣдь цѣль ея была уничтожить *Послѣдній день Помпеи*. Колоссальное, но, увы! неудачное намѣреніе.

11 июля.

Въ полночь переѣхалъ вѣтеръ и отошелъ къ нордъ-весту. Я полюбовался прозрачными исчезающими облаками и легъ спать. Прогнулся до восхода солнца. Небо было чисто. Только одна, единственная звѣздочка, какъ алмазъ, горѣла высоко на востокѣ. Это должна быть Аврора. Солнце не успѣло выглянуть изъ-за горизонта, — она исчезла. Я весело принялся за свой чайникъ. И когда все было готово для моего утренняго одинокаго пиршества, я очинилъ внимательно перо, развернулъ свой журналъ и — что называется — полбуквы не могъ написать: такъ мнѣ вдругъ сдѣлалось весело! И напившись чаю, и наслушавшись чириканья веселыхъ ласточекъ, отправился въ укрѣпленіе заказать торбу для сухарей и взять второй томъ Либелъта; — зашелъ къ М — скому; онъ мнѣ предложилъ стаканъ чаю, отъ котораго я не имѣлъ силы отказаться, потому что чай былъ съ лимономъ — неслыханная роскошь въ этой пустынѣ. За чаемъ сообщилъ онъ мнѣ о начавшемся слѣдствіи надъ женихомъ и невѣстой. Слѣдствіе началось медицинскимъ освидѣтельствованіемъ невѣсты какъ

водится въ присутствіи понятыхъ. При чемъ лекаръ острилъ, — что подало поводъ къ грубымъ насмѣшкамъ надъ женихомъ. Мерзость!

Заказавши торбу для сухарей, я окончательно упаковалъ свою мизерію, взялъ второй томъ Либельта и три оставшіяся сигары, изъ числа тѣхъ 25 сигаръ, что прислалъ мнѣ Лазаревскій вмѣстѣ съ сепіею. Отличныя сигары, — настоящія гаванскія. Возвратившись на огородъ, я, по обыкновенію, до обѣда лежалъ подъ своею любимую вербою и читалъ Либельта. Сегодня и Либельтъ мнѣ показался умѣреннымъ идеалистомъ, и болѣе похожимъ на человѣка съ тѣломъ, нежели на безплотнаго нѣмца. Въ одномъ мѣстѣ онъ (разумѣется, осторожно) доказываетъ, что воля и сила духа не можетъ проявиться безъ матеріи... Либельтъ рѣшительно похорошѣлъ въ моихъ глазахъ, но онъ все-таки школяръ. Онъ пренаивно доказываетъ присутствіе всемогущаго Творца вселенной, во всемъ видимомъ и невидимомъ нами мірѣ, и такъ же хлопочетъ объ этой старой, какъ свѣтъ, истинѣ, какъ-будто это его собственное открытіе.

За обѣдомъ было веселѣе обыкновеннаго: комендантъ подтрунивалъ надъ моими сборами въ походъ, другіе ему вторили болѣе или менѣе любезно, но вообще вся компанія была, какъ говорится, въ своей тарелкѣ. Послѣ обѣда я, также по обыкновенію, заснулъ подъ своей фавориткою — вербою, а передъ вечеромъ надѣлъ чистый китель, соломенную шляпу — самодѣльщину и пошелъ на туркменскія *бакчи* (баштаны) и, не смотря на скудость зелени, мнѣ и бакчи понравились. Я зашелъ къ хозяевамъ въ аулъ; около кибитокъ играли съ козлятами нагія, смуглыя дѣти, визжали въ кибиткахъ женщины, должно быть — ругались, а за ауломъ мужчины творили свой намазъ передъ закатомъ солнца. Вечеръ былъ тихій, свѣтлый. На горизонтѣ чернѣла длинная полоса моря, на берегу его горѣли въ красноватомъ свѣтѣ скалы и на одной изъ скалъ блестяли бѣлыя стѣны второй батареи и всего укрѣпленія. Я любовался своею семилѣтнею тюрьмою. Возвращаясь на огородъ, набрѣлъ я на тропинку, на уже-засохшей грязи которой видны были отпечатки миниатюрныхъ дѣтскихъ ножекъ. Я любовался и слѣдилъ этотъ крошечный дѣтскій слѣдъ, пока онъ не печезъ въ степной полянѣ, вмѣстѣ съ тропинкою. На огородъ пришелъ я къ вечернему чаю и попотчивалъ Ираклія Александровича и Николая Ефремовича своими заветными сигарами, и самъ закурилъ остальную. Всѣ, начиная съ Нагашеньки, не мало удивились, увидѣвъ въ моемъ лицѣ торчашую, дымящуюся сигару, а нянька Авдотья,

уральская козачка, — та совершенно во мнѣ разочаровалась. Она до сихъ-поръ думала, что я по-крайней-мѣрѣ *часовенный*, а я такой же еретикъ—щепотникъ, какъ и другіе. Все же вообще находили, что мнѣ сигара къ лицу, и что съ сигарой я похожъ на вояжѣра порядочнаго тона. Такому удачному сравненію я и не думалъ противорѣчить, и мысленно переносился на палубу парохода «Меркурія» или «Самолета», а о скромной разшивѣ, о бурлацкихъ пѣсняхъ, о преданіяхъ про Стеньку Разина, забылъ и думать...

Ужъ сколько разъ твердили міру,
Что лезть гнусна, вредна, но — все не впрокъ.

Отуманенный лестію, я, противъ обыкновенія, и — разумѣется — во вредъ желудку, не имѣлъ силы отказаться отъ *пельменей*. Пельмени были мастерски приготовлены, и я оказалъ имъ неложную честь. Послѣ ужина, я долго гулялъ вокругъ огорода, и, мало-по-малу, освобождаясь отъ вліянія самолюбія, привелъ наконецъ свой гордый духъ въ нормальное состояніе и тихо запѣлъ гайдамацкую пѣсню:

Ой поїзжѣе по Україні та козаченько Швачка...

Отъ этой любимой моей пѣсни, я незамѣтно перешелъ къ другой — не менѣе любимой:

Ой, изійди, зійди, ти, зіронько, та вечірняя...

Эта меланхолическая пѣсня напомнила мнѣ тотъ вечеръ, когда я и молодая жена Кулиша пѣли въ два голоса эту очаровательную пѣсню. Это было на другой день послѣ ихъ свадьбы, въ роковомъ 1847 году. Увижу ли я эту прекрасную украинку? Запою ли съ нею эту задушевную пѣсню?

Воспоминанія меня убаюкали; я сладко заснулъ, и видѣлъ во снѣ Новгородъ-Сѣверскій (вѣроятно, вслѣдствіе недавняго чтенія *Алексѣя Однорога*). По улицѣ ѣздили въ старосвѣтскомъ огромномъ берлинѣ, огромные, рыжіе, пьяные монахи, и между ними очутился мой трезвый другъ, Семень... Это все пельмени такъ наметаморфозили.

12 іюля.

Одинадцатымъ, печетнымъ, несчастливымъ для меня, числомъ кончился первый мѣсяцъ моего журнала. Какой добрый геній шепнулъ мнѣ тогда эту мысль? Ну, что бы я дѣлалъ въ продолженіи этого минувшаго, безконечно-длиннаго мѣсяца? Хотя и это занятіе мимо-

ходное, но все-таки оно отнимаетъ у безотвязной скуки нѣсколько часовъ дня. А это—важная для меня теперь услуга. Въ первые дни не нравилось мнѣ это занятіе, какъ не нравится всякое занятіе, пока мы его себѣ не усвоимъ, не смѣшаемъ его съ нашимъ насущнымъ хлѣбомъ. Сначала я принимался за свой журналъ какъ за обязанность, какъ за *пунктики*, какъ за ружейные приемы; а теперь, и особенно съ того счастливаго дня, какъ завелся я мѣднымъ чайникомъ, журналъ для меня сдѣлался необходимымъ, какъ хлѣбъ съ масломъ для чая. И не случись этого несноснаго ожиданія, этого тягостнаго бездѣйствія, мнѣ бы и въ голову никогда не пришло обзавестись этой эластической мебелью, на которой я теперь каждый день такъ безмятежно отдыхаю. Справедливо говорится: нѣтъ худа безъ добра.

Сегодня утромъ, записавши счастливое одиннадцатое число, я вздумалъ попробовать ветчины собственнаго приготовленія. Для этого я выпилъ фундаментальную рюмку водки, закусилъ молодой рѣдкой, а потомъ уже приступилъ къ собственному произведенію. Ветчина оказалась превосходною, свѣжею, не смотря на то, что еще приготовлена въ январѣ мѣсяцѣ. Перваго января текущаго года получилъ я первое радостное письмо изъ Петербурга отъ графини Т——ой, и съ того же дня началъ готовиться въ дорогу. Такъ какъ путешествовать мнѣ предстояло, — можетъ-быть, и теперь еще предстоитъ, — по серебрянымъ берегамъ Урала, гдѣ благочестивые Уральцы, а особенно Уралки, нашему брату-раскольнику воды напиться не даютъ, то я и заготовилъ для труднаго пути сей необходимый копченый продуктъ. Не знаю, чѣмъ восхищается въ Уральцахъ этотъ статистикомористъ Н——инъ? Грязнѣе, грубѣе этихъ закоренѣлыхъ раскольниковъ я ничего не знаю. Сосѣди ихъ. — степные дикари Киргизы — тысячу разъ общежителнѣе этихъ прямыхъ потомковъ Стеньки Разина. А помянутый господинъ въ восторгѣ отъ ихъ общежитія и мнимаго гостепріимства. Вѣрно, ему въ грязномъ погребкѣ диктовалъ какой-нибудь Ж——овъ статейку подъ названіемъ: *Уральскіе Козаки*, а онъ, подъ веселую руку, записалъ, да и посвятилъ еще В. И. Далю. — — — Вредны такіе писатели.

Попробовавши дорожнаго продукта и найдя оный болѣе нежели удовлетворительнымъ, я самодовольно успокоился подъ своей фавориткой-вербою, и принялся за Либельта. Онъ сегодня мнѣ рѣшительно нравится: или онъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ, или онъ мнѣ

только кажется такимъ, потому, что мнѣ вотъ ужъ другой день даже вовсе непривлекательные предметы кажутся привлекательными. Блаженное состояніе! Либельтъ, напримѣръ, весьма справедливо замѣчаетъ и высказываетъ эту, — правда, не совсѣмъ молодежавую истину, — коротко, изящно и ясно: что религія у древнихъ и новыхъ народовъ всегда была источникомъ и двигателемъ изящныхъ искусствъ. Это вѣрно. А вотъ это такъ не совсѣмъ: онъ, напримѣръ, челоѣка-творца въ дѣлѣ изящныхъ искусствъ вообще, въ томъ числѣ и въ живописи, ставитъ выше натуры, потому-дискать, что природа дѣйствуетъ въ указанныхъ ей неизмѣнныхъ предѣлахъ, а челоѣка-творецъ ничѣмъ не ограниченъ въ своемъ созданіи. Такъ ли это? Мнѣ кажется, что свободный художникъ настолько же ограниченъ окружающею его природою, насколько природа ограничена своими вѣчными, неизмѣнными законами. А попробуй этотъ свободный творецъ на волось отстунить отъ вѣчной красавицы-природы, онъ дѣлается богоотстунникомъ, нравственнымъ уродомъ, подобнымъ Корнеліусу и Б. Я не говорю о дагерротипномъ подражаніи природѣ: тогда бы не было искусства, не было бы творчества, не было бы истинныхъ художниковъ, а были бы только портретисты, въ родѣ З.

Великій Брюловъ черты одной не позволялъ себѣ провести безъ модели, а ему, какъ исполненному силы творчества, казалось бы, это позволительно. Но онъ, какъ пламенный поэтъ и глубокий мудрецъ-сердцевѣдецъ, облакалъ свои выпреннія, свѣтлыя фантазіи въ форму непорочной вѣчной истины. И потому-то его идеалы, полные красоты и жизни, кажутся намъ такими милыми, такими близкими, родными.

Либельтъ сегодня мнѣ рѣшительно правится. Впродолженіи десяти лѣтъ я кромѣ степи и казармы ничего не видѣлъ, и кромѣ солдатской, запуганной, рѣчи, ничего не слышалъ. Страшная, убійственная проза... И теперь, случайный собесѣдникъ Либельтъ — самый очаровательный собесѣдникъ. Искренняя моя сердечная благодарность унтеръ-офицеру Кулиху.

Какъ начался пріятно, такъ и кончился этотъ второй для меня день пріятно. Вечеръ былъ тихій, прекрасный. Для моціону я обошелъ два раза укрѣпленіе. Началъ было и третій обходъ, только у второй батареи остановилъ меня уральскій козакъ своею старинной пѣсней про Игнашу Степанова сына Булавина. Первый стихъ пѣсни мнѣ чрезвычайно правится:

Возмутился нашъ батюшка
Славный тихій Донъ,
Отъ верховьяца
Вплоть до устьяца.

Эта пѣсня собственно — донская, но она усвоена и Уральцами, какъ братьями по происхожденію. Я не мало удивился, услышавъ въ первый разъ здѣсь эту пѣсню, — потому-что приходящіе сюда на службу Уральцы болѣею частию народъ бывалый въ Москвѣ и въ Петербургѣ, и поютъ все модные пѣжные романсы, захваченные или въ салонахъ на *Козихъ* или въ *Мещанскихъ* и *Подольскихъ* улицахъ. Такъ я не мало удивился, услышавъ этого отступника отъ закона моды.

Съ удовольствіемъ слушалъ я незримаго пѣвца, пока онъ замолчалъ или, вѣроятно, уснулъ, — чему и я благоразумно послѣдовалъ. На развѣтѣ пришло къ мнѣ, будто бы пріѣхалъ въ укрѣпленіе фельд-маршалъ Сакенъ вмѣстѣ съ другомъ своимъ, митрополитомъ кievскимъ Евгеніемъ, и потребовалъ меня къ себѣ. Но такъ-какъ у меня не оказалось солдатскаго облаченія, кромѣ шинели, и то — безъ эполетъ, то, пока нашивали эполеты, я проснулся, и былъ сердечно радъ этой неудачѣ.

13 июля.

Сегодня суббота; вѣтеръ все тотъ же — пордь-вѣсть. Это хорошо. Значить, волею-неволею лодка должна дожидаться оренбургской почты. Чѣмъ ближе ко мнѣ это радостное событіе, тѣмъ дѣлаюсь я нетерпѣливѣе и трусливѣе. Семь тяжелыхъ лѣтъ, въ этомъ безвыходномъ заточеніи, мнѣ не казались такъ длинными и страшными, какъ эти послѣдніе дни испытанія. Но все отъ Бога. Заглушивъ въ себѣ, по мѣрѣ возможности, это ядовитое сомнѣніе, я принялся за моего неизмѣннаго друга Либельта и съ наслажденіемъ пробесѣдовалъ съ нимъ до самого вечера. Вечеромъ пошелъ я опять ко второй батарее, въ надеждѣ услышать вчерашняго Баяна. Но вчерашній Баянъ обманулъ мои ожиданія. Я возвратился на огородъ, легъ подъ своей заветною вербою, и самъ не знаю, какъ это случилось, — уснулъ и проснулся уже на развѣтѣ. Рѣдкое, необыкновенное событіе! Такіе дни и такія событія я долженъ вносить въ мою хронику, потому-что я вообще мало спалъ, а въ послѣдніе дни сонъ рѣшительно меня оставилъ.

14 июля.

Сегодня воскресенье. Вѣтеръ все тотъ же. Не пора ли отойти въ нордъ-осту? О, какъ бы онъ меня обрадовалъ, еслибы хоть къ завтраму отошелъ. Лучше рѣшительный ударъ обуха, нежели тупая деревянная пила ожиданія.

Въ полдень вѣтеръ засвѣжѣлъ и отошелъ къ норду. Добрый знакъ. Сегодня третьи сутки, какъ я не посѣщалъ — укрѣпленія. И это теперь мое единственное счастье, что я безнаказанно могу дѣлать такое укрывательство, а чтобы не видѣть еще сутки топорной декорации мѣстнаго вертепа и рьяныхъ соратниковъ Вакха, я не побрился и не пошелъ къ обѣднѣ. А передъ вечеромъ, во избѣжаніе встрѣчи съ тѣми же соратниками (они по праздникамъ имѣютъ обыкновеніе нарушать спокойствіе обывателей огорода), я, надѣвши чистый бѣлый чехоль на фуражку и положивши въ карманъ огурецъ и рѣдку, отправился къ Филемону и Бавкидѣ. Филемонъ, вопреки своему постоянному расположенію духа, былъ не въ духѣ, а Бавкида, вопреки своей постоянной улыбкѣ, была тоже не въ духѣ, даже не показала мнѣ своей новой соломенной шляпки, о которой я слышалъ стороною. Я вспомнилъ пословицу — *не во время гость хуже татарина*, и взялся за фуражку; но Филемонъ остановилъ меня, просилъ садиться и также просилъ свою печальную Бавкиду подать на пробу недавно-полученнаго изъ Астрахани варенья, а самъ принесъ кружку холодной воды, и послѣ первой апробаціи повѣдалъ мнѣ свое новое горе. Неосторожный и жадный лоцманъ, взявшійся представить ему товаръ изъ Астрахани, нагрузилъ свою утлую ладью такъ грузно, что при первомъ свѣжемъ вѣтрѣ долженъ былъ половину груза выбросить въ море. Къ несчастію Филемона и Бавкиды, ихъ товары, состоящіе изъ двухъ ящичковъ горячихъ напитковъ и 30 мѣшковъ муки, лежали на палубѣ, и, разумѣется, первые полетѣли за бортъ. Уцѣлѣли только ничтожныя мелочи, какъ-то: варенья, лимоны, соленые огурцы и соломенная шляпка. Откровенная бесѣда, какъ исповѣдь, умиляетъ наше тоскующее сердце. Старикъ, рассказывая мнѣ про постигшее ихъ несчастіе, пришли въ свое нормальное положеніе. Филемонъ простодушно началъ врать о какой-то стычкѣ съ французами въ 1812 г., а Бавкида показала мнѣ шляпку и даже мантилью, а на прощаньи подарила мнѣ лимонъ, съ которымъ я имѣю

радость сегодня, т. е. въ понедѣльникъ, пить чай, записывая свой визитъ и грустное событіе, совершившееся въ ущербъ торговлѣ моего Филемона и Бавкиды.

Вчера, какъ я сегодня узналъ, не смотря на воскресенье и хорошую погоду, ни одинъ, изъ офицію имѣющихъ, не появлялся на огородѣ. Странная, непонятная антипатія къ благоухающей зелени! Они предпочитаютъ пыль и несносную духоту въ укрѣпленіи прохладной тѣни, цвѣтамъ и свѣжей зелени на огородѣ. Непонятное затвердѣніе органовъ. Настоящіе суровые сыны Беллоны. Одно, чѣмъ я могу растолковать себѣ это отсутствіе обонанія и зрѣнія суровыхъ дѣтей Беллоны, это—всепокоряющая владычица—водочка. На огородѣ, извольте видѣть, хотя и можно пропустить рюмку—другую, потому что самъ наибольшій предлагаетъ, но нельзя нализаться какъ слѣдуетъ, не потому, чтобы это было неприлично, а потому, чтобы не очутиться въ мѣстной *калабрии*. Такъ что же и въ самомъ дѣлѣ за удовольствіе посѣщать огородъ. Не лучше ли дома, втихомолку, нализаться такъ, чтобы въ глазахъ позеленѣло? Вотъ тебѣ и огородъ съ цвѣтами и съ благоуханіемъ!

Независимо отъ этой глубокой политики, въ великороссійскомъ человѣкѣ есть врожденная антипатія къ зелени, къ этой живой, блестящей зарѣ улыбающейся матери—природы. Великороссійская деревня, это, какъ выразился Гоголь, наваленная куча сѣрыхъ бревень, съ черными отверстиями вмѣсто оконъ, вѣчная грязь, вѣчная зима. Прутика зеленого не увидишь, а по сторонамъ непроходимые лѣса зеленѣютъ, а деревня какъ—будто нарочно вырубилась на большую дорогу изъ—подъ тѣни этого непроходимаго сада, растянулась въ два ряда около большой дороги, выстроила постоянные дворы, а на—отлетѣ часовню и кабачекъ, и ей ничего больше не нужно. Непонятная антипатія къ прелестьямъ природы!

Въ Малороссіи совсѣмъ не то. Тамъ деревня и даже городъ укрыли свои бѣлыя, привѣтливныя хаты въ тѣни черешневыхъ и вишневыхъ садовъ. Тамъ бѣдный, улыбающійся мужикъ окуталъ себя великолѣпною, вѣчно—улыбающеюся природою; поетъ свою унылую, задушевную пѣсню, въ надеждѣ на лучшее существованіе. О, моя бѣдная, моя прекрасная, моя милая родина! Скоро ли я вздохну твоимъ живительнымъ, сладкимъ воздухомъ? Милосердый Богъ—моя нетлѣнная надежда.

15 июля.

Вѣтеръ все тотъ же—нордъ. Хотъ бы на одну четверть румба отошелъ къ осту, все бы мнѣ легче было. Впродолженіи двухлѣтняго плаванія по неизслѣдованному еще Аральскому морю, я одного раза не взглянулъ на компасъ; а въ эти послѣдніе, безконечно—длинные, дни и ночи я изучилъ его во всѣхъ самомагнѣйшихъ направленіяхъ. О, вѣтеръ, вѣтеръ! еслибы ты могъ сочувствовать моему неуспѣшному горю, — ты бы еще третьяго—дня отошелъ къ норд—осту! и сегодня я бы уже сидѣлъ съ карандашемъ въ рукѣ на палубѣ аргонавтомъ татарскаго корабля, идущаго къ берегамъ Колхиды, т. е. Астрахани, и въ послѣдній разъ рисовалъ бы видъ своей тюрьмы. Хорошо, еслибы такъ, а если иначе, — тогда что? Тогда я и самъ не знаю—что.

Вчера вечеромъ обошелъ я два раза укрѣпленіе, и, придя на огородъ, прилегъ, усталый подъ своей заветною вербою, съ крѣпкимъ намѣреніемъ вздремнуть хотъ полчаса. Я уже другіе сутки глазъ не смыкаю. Но Морфей, по обыкновенію, измѣнилъ мнѣ, и я лежалъ себѣ подъ вербою и разсѣянно слушалъ болтовню огородниковъ, недалеко расположившихся на травкѣ. Между ними былъ уральскій казакъ, — онъ—то и владѣлъ разговоромъ, или болтовнею. Послѣ разныхъ случаевъ, случившихся съ разказчикомъ въ разныхъ походахъ, свелъ онъ рѣчь на колдуновъ, мертвецовъ и, наконецъ, на самоубійцъ. Онъ разказалъ исторію о какомъ-то самоубійцѣ, которая меня совершенно не интересовала, но меня заинтересовало религіозное повѣрье уральскихъ казаковъ о душѣ самоубійцы, которое онъ при этомъ случаѣ разказалъ. Самоубійцу хоронятъ безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, и не на общемъ кладбищѣ, а выносятъ далеко въ поле и закапываютъ какъ падалъ. Въ дни поминовенія усопшихъ, родственники несчастнаго, или просто, добрые люди, выносятъ и посыпаютъ могилу хлѣбнымъ зерномъ, житомъ, пшеницею, ячменемъ и прочая, для того, чтобы птицы клевали это зерно и молили Бога объ отпущеніи грѣховъ несчастному. Какое поэтически-христіанское повѣрье!

На моей памяти, въ Малороссіи, на могилахъ самоубійцъ, совершался обрядъ неменѣе поэтическій и истинно-христіанскій, который однакожь кому-то показался обрядомъ языческимъ, и потому велѣно уничтожить. —

Въ Малороссіи, самоубійцы хоронили также въ полѣ, на непремѣнно на перекрестной дорогѣ. Впродолженіи года, идущій и ѣдущій мимо несчастнаго покойника, долженъ былъ что-нибудь бросить на его могилу, — хоть рукавъ рубашки оторвать и бросить, если не случилось чего другого. По истеченіи года, въ день его смерти, а болѣе — въ *зеленую* субботу (на канунъ Троицына дня), сжигаютъ накопившійся хламъ какъ очистительную жертву, служатъ панихиду и ставятъ крестъ на могилѣ несчастнаго.

Можетъ ли быть чище, возвышеннѣе, богоугоднѣе молитва, какъ молитва о душѣ нераскаявшагося грѣшника? Религія христіанская, какъ нѣжная мать, не отвергаетъ даже и преступныхъ дѣтей своихъ, за всѣхъ молится и всѣмъ прощаетъ. А между-тѣмъ, *нѣкоторые* отвергаютъ именно тѣхъ, за которыхъ должны бы молиться. Гдѣ же любовь, завѣщанная намъ на крестѣ нашимъ Спасителемъ-человѣколюбцемъ? И что языческое нашли вы въ этомъ христіанскомъ, всепрощающемъ жертвоприношеніи? — — — — —

Туркменцы и Киргизы святымъ своимъ (*аулае*) не ставятъ, подобно богатырямъ, великолѣнныхъ *абу* (гробницъ): на трупъ святого наваливаютъ безобразную кучу камней, набрасаютъ верблюжьихъ, лошадиныхъ и бараньихъ костей, остатки жертвоприношеній, ставятъ высокій деревянный шестъ, иногда увѣнчанный коньемъ, увиваютъ этотъ шестъ разноцвѣтными тряпками, и на томъ оканчиваются замогильныя почести святому. Грѣшнику же, по мѣрѣ оставленнаго имъ богатства, ставятъ болѣе или менѣе великолѣпный памятникъ. Противъ памятника, на двухъ небольшихъ изукрашенныхъ столбикахъ, ставятъ плошки: въ одной, ближніе родственники жгутъ по ночамъ бараній жиръ, а въ другую плошку, днемъ, наливаютъ воду для птичекъ, чтобы птички напившись воды, помолились Богу о душѣ грѣшнаго и любимаго покойника. Безмолвная поэтическая молитва дикаря, въ чистотѣ и возвышенности которой вѣроятно бы *нѣкоторые* усумнились и запретили бы какъ языческое богохуленіе.

НЕ ТАКЪ ЖДАЛОСЯ, ДА ТАКЪ СКЛАЛОСЯ.

I.

Живъ колись у насъ на селі козакъ Степанъ Дубрѳва. Заміжний бувъ чоловікъ, сказати: щѳ поля, щѳ скотіни, а найбільшъ — бджолі. Буваіо, хлопцями ще, позбіраємось на *Головосіка* до Степанові пасіки: «дідусю, дай меду!» Стара ёго то часомъ и гримає було на насъ, а старий — ніколи: наріже у миску стельниківъ, та доці у руки, — а та вже и роздає намъ черезъ тинъ по шматочку.

За молоду Дубрѳва чумаковавъ, дагъ тамъ десь, далеко, и одружився. Дѳбра, наче, и людина була ёго жінка, тільки пановита дуже; вже була стара, а ще подавай їй и спідниці баєві, и юккі габзѳвані, зъ міщанъ, кажуть, була, чи-шо. И до нашого брата, прѳстого козака, не хилилась якосъ (невроку їй, нехай царствує), чубрійми звала: — чубрії, каже. Семья вѳ ёго була чималѳнька, да Богъ прибравъ до себе. Я знавъ жінку ёго Стеху, та дочку Христину. Да живъ у ёго прийміть Микола, — хто й що — святі ёго знають! Була ревизія, — хлопця й привели до волости, не знаю відкілі. Хлопья жило у шпиталі, росло вѳ поводирыхъ, да тільки й знало, що ёго зовуть Миколою. Привели, погинули. Хлопця у ревизію записали, а де дітись сироті — людямъ и клопѳтъ мало. Трапилося Дубрѳві йти коло розправи; дивитця — хлопья и бѳсе и гѳле, — лѳпає очіма коло ганогъ да ковтає слѳзи; може — то сердешне день-деньскій и хлѳба у вічи не бачило. Старий до хлопця, — мовчить; другі вже розказали; воно тільки такъ жалѳбно, каже, дивитця на старѳго. «Такъ якъже воно, панове — громадо, зъ цімъ хлопьямъ буде?» питає Дубрѳва. — Записали, кажуть, у ревизію: нехай теперъ батька та матері шукаетъ. — «Такъ!» каже Ду-

брóва: «тільки поки сонце зійде, роса очи виість. Кажіть міні, панове, сёго хлопця до себе узяти; я буду й ростити, и подушне за ёго платити.» — За всі гóлови!—кажуть. Взявъ, отто, Дуброва Миколу до себе, та й виростивъ, — гріхъ сказати, — якъ рідну дитину.

II.

Микола й Христина росли собі у-гуні — и вирости. Любо було й чужому дивитись, якъ изійдутьця вони на роботі: обое молоденькі, обое трудящі, — и діло робитця, и пісня лунає. Микола якось бувъ неговіркий, все наче сумує, або думає що, а Христина, якъ та чéчка, прудка та весела. Посядуть було оддыхати, Христина, знай, щебече: и хто на юлицю ходить, и хто кохає кого, и коли рушники даватимуть, все таке, вістимо, дівоче; Христина щебече, Микола слухає, а одно зъ одного й очей не зведе. Старий було часомъ підкрадетця до молодятъ, слухає, слухає, перехрістить дітей изда-лікъ та й піде собі геть, усміхаючись. Гарна була дівчина Христина, ясноока, чернобрива; и Микола бувъ незгірший парубокъ. Якъ теперъ бачу: високий, на лівій щоці значокъ родимий, поглядъ такий поважний, а діло въ рукахъ кипіло. Настанє було літечко святé: старий коло бджолі, старá зъ дочкою у господі, а на полі Микола зъ наймитомъ порядкує. Вийде, иноді, старий на поле одвідати, — усе якъ слідъ, усе гараздъ, — Микола радіє, якъ дитина рідна.

— Дóбра въ насъ, жінко, дитина, Микола, — загомонівъ разъ старий до жінки: — роботящий, слухмянний, — и насъ поважає, та й по селу, опрічъ доброго, нічого про его не чути.

— Треба бути роботящимъ, треба бути й слухмяннимъ, — одка-зує жінка. Не роби, не слухай — проженуть: тоді — куди голову прихиліти?..

— Може воно й такъ, старá, може й не такъ; а Микола, все таки, велика намъ помічъ... Дастъ Богъ ёму долю, и ми ёму поможемо: великимъ ні-зъ-чого, а півсотні грошей, да пара волівъ, и у насъ найдетця Миколі на новé хазяйство.

— Такъ, такъ, старий!... дочка рушники готує... якъ будешъ кожному паровиці зъ півсотнями роздавати — дождесся зятя!..

— А правду кажешъ, старá: воно й лучче, якъ би не давати

Миколі ні паровиці, ні півсотні... поглянь, діти такъ гарно, здається, живуть поміжъ собою.

— Дакъ щобъ, — якъ се?

— А такъ: нехай би імъ безъ поділу усе, що ми зъ тобою придбали на віку. Микола—добра дитина—сказати; луччого зятя намъ би й не треба.

— Схаменись, старий! чи то жъ до діла-таки, єдину дитину віддати за чоловіка, що може де підъ типомъ на світъ народився?. Христина у насъ, дякувати Господеві, якъ и въ людей: и худоба, и врода... ні, старий, ніяко. Добра дитина!.. треба бути добримъ, нігде дітись; чи батько заступитця, чи мати, чи, може, рідъ поважний, чи худоба велика?.. Не будь добрий,—такъ и слова промовить ніхто не захоче.

— Дурень ти еси, — баба! — одказавъ старий жінці.

У Степана така вже вдача була: якъ що не по ёго, вінъ верзикать довго не буде, — махне рукою: «дурень ти еси, — баба!» — хочъ би то була зовсімъ не баба, а справний чоловікъ.

III.

У Дуброви бувъ свій ліс, а въ лісі — сінокоси добрі. Діждали Зеленихъ Святъ. «А що, діти», каже старий: «дівоча косовиця настає!» — а тимъ того й треба, — *до сёго торгу и пішки*. Забрала Христина дівчатъ, та й до лісу; а въ лісі жъ то въ ту пору любо та гарно: бджоли гудуть по вітамъ пахучимъ, солов'їна пісня горохомъ сиплетця по зеленому рясту, а квітокъ, а пташокъ — рай Божий, та й гді. У насъ що-году: зберутця дівчата, да гуртомъ на сіножаті, да днівъ у два, въ три, зайграшки и повгребають сінокоси и въ того, и въ другого, и въ третёго, ажъ воно й геть добре.

На другий, чи на третій день, стали дівчата до-дому збиратись; воно щей и не пора трохи, да Христині тільки до-дому чогось треба.

— А ти, Миколо? — питає Христина.

— Я зъ кіньми тутъ зостанусь, — одказавъ: — а завтра у обідню пору приїду.

— Лучче бъ сёгодні, Миколо: на юлицю пішли бъ; тамъ теперъ такъ весело, — Василёвичъ приїхавъ.

— Який Васи́дівичъ? — питає Микола.

— Васи́дівича, що в́ оку́зі бувъ — х́ба не знаєшъ? — При́хавъ до насъ у розп́раву писарувати. Не нашихъ парубківъ — сказати: на вигадки та на при́кладки, то й пари ёму нема, — у жупані... При́йди Миколо!...

Миколу мовъ би в́колало що. — Побачу, — каже.

Дівчата пішли співаючи до-дому, а Микола у лісі зостаєсь; ходять коза́кь, — самъ не свій, наче у моска́лі зібравсь. Смеркло. — Попри́пинай, Гри́цю, ло́шатъ, та й на коней поглядай, — каже Микола наймитові: а я пі́ду в́вса одві́даю в́ яру́зі, щобъ часомъ спа́шъ небуло. Пі́йшовъ, да ма́буть, заблудивъ серде́га: опинивсь не в́ яру́зі, а прями́сінько на ю́лиці коло дівча́тъ.

— Миколо...! що це ёму ста́лось?... на-силу!.. закри́чали дівчата.

Поздоровка́вся Микола зъ дівчатами; дивитця — помі́жъ дівчатами парубі́чка, — в́ жупани́ні, — на голо́ві ко́зірь. — Оце-то воно... гмъ!... Сівъ. Спів́и, ре́готъ, — звісно — ю́лиця; а писаръ, якъ те шило: одну обні́ме, другу поці́лує, — часинки не посидить тихо: такъ и шнипорить усю́ди... а найб́ільшъ залиця́ється до Хри́стини. Обі́зветця який парубо́къ, — вінъ зара́зъ и при́йше кві́тку: дівча́тамъ ре́готъ, парубо́кові соромъ... Посиді́въ Микола, подививсь — «про́щайте, дівчата!»

— Миколо, не в́ті́ай! ще рано, — про́сять дівчата.

— Кра́много — не́много, — обі́ззавсь по панськи писаръ.

— Не́хай же тебе, Миколо, в́овки зсі́дять, — закри́чали дівчата, коли — не́хочешъ гу́ляти зъ нами.

— Чого до́брого! — при́ложивъ писаръ, — бо вінъ бара́номъ па́хне. — Дівчата заре́готали.

Пові́сивъ голову Микола, иде; ёму й байду́же, що тамъ глупую́ть зъ ёго. В́йшовъ за ца́рину; па́хнувъ зъ поля сві́жій ві́терець — Микола ні́би прочну́всь. Постóявъ — постóявъ.... «верну́сь!» ка́же: «мо́же се вона та́къ, мо́же се воно ні́чого; роспи́таю про все, роска́жу про все, чи та́къ, чи не та́къ: — не́хай бу́ду знати свою до́лю. «При́шовъ до ворі́тъ — не засу́нуті; вінъ сівъ на коло́ді, — жде́. Коли́ та́къ, геть-геть у́же, бубонить щось по ю́лиці — вінъ за лі́ску й схова́вся; бли́жче — Хри́стина зъ писаре́мъ, — поста́ли підъ ворі́тьми. Писаръ та́къ любе́нько заводи́ть... Слу́ха Микола.

— Ні́, — ка́же Хри́стина — ні́яко: побача́ть лю́де, осудя́ть; луч́че вихо́дь на ю́лицю — на ю́лиці побачи́мось и поговори́мо.

— Моя перепілочко! при людях я не хочу. та й неваренє розказати, якъ вірно та щиро тебе люблю; а въ садочку, Христіно, опрічь соловейка, нікого нема, ніхто й не побачить, ніхто й не осудить. Посидимо любенько підъ вишенькою, підъ рястомъ пахучимъ: нехай собі співа соловейко; а я бѣ тобі усє розказавъ, Христіно, все: що въ мене й на думці, що въ мене й на серці... вийди, моя ясочко!...

— Побачу,—каже, да й стрибнула у ворота.

— Постривай же, серце, поцілую, ще разъ—ще....

— Оце,—каже,—якъ тобі се ціловання,—та й засунула ворота.

— Побачу!.... гмъ.... — пробурчавъ усміхаючись писарь, — вийдешъ! зъ носа видно!—Викресавъ огню на люльку, та й потягъ назадъ, співаючи.

Піднявся Микола. Місячко вже генъ-генъ височенько. По небу блакитному хмари плили тихесенько, да білолиций, якъ той лебедь у хвілю на озері, то виринає міжъ їми, то потонає; а на селі тихо-тихо, наче й душі живої нема. Дивитця Микола, кругомъ озираетця, піби не второнає дє вінъ, и якъ? Злігъ на лісу, постоявъ, постоявъ, здихнувъ важко, та й поплентавъ сердека до гаю.

IV.

Христині минуло шостнадцять; розвілася, росцвілася дівчіна якъ квіточка рожева. Мати було й очей не зводить зъ любої дитини. «Зіронько моя вечірняя, крале моя ясноока, тобі й чоловіка немає у нашому селі — чубрії все», частенько, було, говорить своїй доні стара, жалуючи. «Чи таки жъ припадає оттакимъ білимъ ручіямъ піклуватись коло мужицького діла»?... Багато паробківъ, багато й матерокъ закидали ого на Христину, да не знали зъ якої й підступити. Дуброва на багатство не вповавъ,—це всі знали; знали и те, що Дуброва любить Миколу якъ рідну дитину. А проте и Микола бувъ такий парубокъ, що хотъ би й хотівъ чимъ зганити — не зумієшъ.

— Мині здаєтця, старий, чи не лучче бѣ намъ уже Миколу поблагословити на всі чотирі,—каже разъ жінка Степану:—виростили, викохали — нехай зъ Богомъ иде у люде, да шукає собі долі, а то кожне думає, що ми въ зяті єго собі готуємо. Христині найдутця хороші люде.

— Пошли, Господи,—каже старий.—Тільки я спершу казавъ и теперъ кажу: луччого намъ зятя не треба, якъ Микола; коли и дітямъ пошле Господь любовъ да совіть, я за иншого дочки не ддамъ.

— Отцѣго вже, старий, не буде.

— Даруй, Господи, щобъ було.

— Не буде.

— Побачимо...

— Побачимо!... такъ—бачъ, чого твій Микола якъ сичъ той, ставъ похожати, що слова не добьесся.... Ажъ и вінъ, мабуть, задумавъ у чужімъ добрі господарювати,—побачимо!

Такъ було й частенько. А Микола не знає и не відає, що за ёго, сироту, безъ ёго вини, недобре поміжъ старими заводитця. Приїде зъ поля, візьме що треба, та й зновъ на поле. Вістимо—літо; літомъ хліборобова хата—степъ широкий. То бувъ небалакливий, а то й ище лучче мовчавъ, да тільки не господарство въ чужімъ добрі, а инши думки збавили речи козакові....

Разъ—такъ—приносить Христина обідати Миколі на поле. Сіли підъ возомъ, а Микола—чи їсти, чи не їсти.

— Який ти невеселий ставъ, Миколо,—озвалась Христина: и на виду змарнівъ... може, нездужаєшъ?

— Богъ милувавъ по котрий частъ,—каже.

— У тебе, Миколо, щось недобре на думці, та не кажешъ,—недобрий ставъ. Мати казали, що ти скоро покинешъ насъ, — не кидай, Миколо!

— Я покину? кого? васъ?

— Некидай, Миколо! укупі зросли, укупі и жити. Може, тебе щоденна ся праця сушить; я—такі батькові казала, що десь Миколі и оддыхати не треба — усе на роботі, усе на роботі.... Та не довіку, Миколо, будемъ день при дні працювати: я останнє літо оце хожу по полю, да піклуюсь ніби крепачка гірка. Буде, дасть Богъ, скоро и хата съ кімнатою, и їсти и пити и хороше ходити; и ти, Миколо, знайдешъ собі пару, та й будемо жити любенько укупі?...

— А ти собі хіба найшла вже, Христино?

— Я? ні... одказала Христина, та й почирвоніла.

— А відкіля жъ се на тебе такий панський вітеръ віє?..

Христина ще й більше почирвоніла.

— Не соромайся мене, Христіно! коли ти кого щиро полюбила и тебе тежъ, я перший радітиму твоїй долі.

— Спасибі тобі, Миколо. И мати радіють, що, може, скоро я не буду мужичкою...

Микола здихнувъ. Посиділи, ще поговорили, Христіна за горшки, та й до-дому.

Оставсь Микола; провозжає очима Христіну, й очей не зведе; а вона поспішає співаючи до-дому, да якъ та перепілочка, зжаєтця, и ніжками до землі не черкаєтця. Христіни вже давно и не видно, а Микола стоїть, дивитця.... потімъ утеръ рукавомъ очи, да й зновъ за соху—ниви добрувати.

V.

— Не гніви Бога, стара: за що-таки ти Миколу такъ обіждаєш?—обізвавсь одного разу старий Дуброва до жінки.—Лучче сироту зъ двора прогнати, а ніжъ докоряти ёму кускомъ хліба. Чи вінъ же ёго даромъ ість у насъ? Поглянь-лишъ, який вінъ на видъ ставъ... кам'яна душа—и та бъ пожаліла.

— А чи можна жъ зтерпіти, коли твій Микола обезглуздивъ зовсімъ?... *Ему кажи—тату, а вінъ каже—кату,*—якъ навіжений... Коли не мусишъ до ладу діла робити, такъ и хліба чужого не їжъ.

А Микола, справді, паче збожеволівъ: ёму треба у Чернечину, а вінъ опинитця у Шкрабовці, — поїде по сіно, а ліківъ привезе. Заманулось разъ старому одвілати на поле,—сіяли жито. Приходить—Микола сіє.—Помогай Бігъ, Миколо!—«Спасибі, дядьку.» Старий ближче,—ажъ Микола сіє гречку. Дивитця старий на Миколу, а той блідий—блідий... куді тутъ лайки!... пригорнувъ ёго:—Миколо, сирото мій безталанний! прости мене, мій голубе! тяжко, бачу, виходить тобі хлібъ мій, моя дитино.... Микола стечпивъ руки: «Дядьку! я... мині...» Годі, годі, Миколо,—каже старій: не журись, не плачъ,—усе буде якъ слідъ, усе буде гараздъ...—а въ самого такъ и котятця зъ старихъ очей слёзи.

Гірше життя стало Миколі: одно те що Христіна.... а друге — мати. Такъ и ість, такъ и ість наче іржа зелізо. Обізветця часомъ старий—куді!

— Погане въ нась життя,—нехай де лучче шукає:—не привязаний!—каже жінка.

Дождали Покрови. Сидять такъ разъ у вечері, и діла ніякого не роблять, и речи нема, коли забрехало на двірні. Трохи згодомъ, увіходить двое сусідівъ, поважні люде, у новихъ свитахъ, красними поясами підперезані, у одного підъ правицею хлібъ у білій хустині. Поздоровались, привітались. — «Покланялись вамъ, кажуть гості, Василь и Василиха счастямъ та здоровьямъ та хлібомъ святимъ.»

Стара заслала білою скатертиною стілъ, просить дорогихъ гостей до покутя; така весела, говірка, и запіканой поставила на стілъ кубишечку. Сидять, гуторять про се да про те, звичайно, якъ свати.

— Дакъ якъ воно буде, пане Степане?

— А такъ буде,—каже Степанъ: — покланяйтесь и відъ нась Василю и Василисі счастямъ та здоровьямъ, дякуйте за їхъ ласку, та повагу щирю, панове. Хліба святого не цураємось, а дочки цей годъ не оддамъ,—молода. Більшъ погуляє, луччимъ згадає батька старого.

Чого вже не робили, що не говорили, на Степана наче пеня московська напала: не оддамъ до году, та й не оддамъ; съ тимъ свати й до дому повернулись.

Старá и руки попустила; не придумаетъ, не пригадає, якъ-таки за такого чоловіка якъ писаръ — дочки не оддати: — се не чубрій який! первий чоловікъ у селі, судить и рядить якъ знає, кожному прийдецца до ёго съ покірною.... «Обезглуздівъ, каже, «старий та й годі! Да не буде жъ и по ёго, не дїжде й приبلуда моїмъ зятємъ бути!...»

Зробилась хата Степанова гіршъ пекла. День-у-день сварка, та лайка, та слізи; а що вже терпівъ Микола — Господи! Нехай би старá, а то й доня; и тій мати натрудила—чого знала; довелося Миколі и одъ Христини терпіти и речи недобрїї, и зневагу. А того вінъ ждавъ?... Того серце сподівалося? Глянешъ було на паробка — серце щимить. Усі знали що вінъ терпівъ у Дуброви, а щобъ вінъ ставъ на кого жалковатись—ні въ світі!

VI.

— Бачъ, старий, на мое й вийшло! Отъ тобі й добра дитина! бачъ, яка добра! якъ водивъ старці да ночувавъ по-підъ тинью,

такъ тоді и дядечко и тіточко, и сухі и немазані; а вигохали да виростили, згинувъ якъ харцизіяка, и спасибі за хлібъ-сіль нашу не сказавъ... Мовчишъ, старий? не любо правду слухати?

А Микола и справді згинувъ. День, два — нема. Коли такъ, тиждівъ у два чи-що, прийшла до волости бумага за Миколу; почувъ старий, да мерщій туди, питає: що? якъ?

— Іде, кажуть, вашъ Микола охотою у москалі,—такъ начальство учинило запросъ: що вінъ и якъ?

— Такъ якъ?

— Громада одвістила, що препяствія не имієтця, а що Микола добра людина. Здихнувъ старий: «добра людина, промовивъ, тяжко добра»!...

Почула и стара зъ дочкою: раді-раді! думка, — теперъ старому нічого пручатись, а старий все-таки своє: не 'ддамъ до году, та й не 'ддамъ, и то ще, каже, коли покине писарувати.

— Да схаменись старий, чого це ти коверзуєшъ? подумай, які люде! Богъ дає дитині долю, а вінъ — нехай покине писарувати! Писаръ—первий чоловікъ у селі; Христина за імъ якъ у Бога за дверми житиме: и дома панство, и въ людяхъ повага, на хвості не посадять, да и намъ кожде голову схилить.—А тутъ и доня пристане: и таточку и голубчику, не губи своєї дитини єдиної, лучче міні зъ мосту та въ воду, ніжъ зъ іншимъ одружитись.

Якъ до стіни!

Дождали *Дмитра*.—Якъже хочешъ,—домовляєтця стара: буде каюття, та не буде вороття; дождеся ти, старий, лихой години, гіркими слізьми заплаченихъ на старости віку... плачъ тоді на свою голову!... Та й почала щось на вуха шептати.... Старий ажъ здригнувъ. Побілівъ, побілівъ: «необачная ти мати,» каже, та й заплакавъ.... А черезъ тиждень, чи-що, молодихъ и перевінчали.

Якъ понуривъ старий Дуброва голову, такъ и весілля не могло. Пьють гуляють у хаті, а Дуброва ходить по двору смутний ти мовчущий. На другий день, чи на третій, весілляні поїхали у Шаболтасівку, веретовъ шість, коли знаєте, у перезву; тамъ дядько живъ молодого, а дома старий зъ наймитомъ zostався. Обідні такъ пори, сидить Дуброва кінець стола, сумує, — коли рипнули двері. Піднявъ старий голову.

— Москаль! Микола! — Скочивъ дідъ та до ёго: зрадивъ,—зрадивъ! то цілує, то христить; питає одно, друге, та зновъ на-ново.

— Мене, дядьку, вибрали у гвардієнці,—каже, Микола: гонють у Петенбурхъ; такъ я ублагавъ старшого, спасибі ёму, та й прийшовъ одвідати васъ, та подякувати за хлібъ-сіль вашу, дядьку.

— Добре, Миколо, добре, спасибі... Та який жэ ти красний ставъ, мій голубе!...

— Трохи нездужавъ, каже. Звісно,—и люде незнакомі, и порядки не ті... поки привикнувъ.

— Такъ, такъ,—каже Дуброва, хитаючи головою: поки привикнувъ,—згэ....

Старий, здається, на все забувъ, мовъ повеселішавъ: розказує Миколі и те и друге. Заспівали півні. «Отъже я зъ-дуру и геть загуторивсь зъ тобою, Миколо, а тобі зъ дороги и одпочити бъ треба; лягай же, сину, абб-що.

Переночували. «Такъ якъже оце, Миколо, непобачивши моїхъ и йдешъ,—каже старий, дивлячись що той вже лаштується у дорогу.

— Нехай імъ Богъ дає щастя та здоровья,—каже Микола: и радъби побачити, та не можна,—на три дні тільки пущено. Чого ни робивъ старий—не можна та й неможна.

— Молись же Богу, Миколо! — Одбивъ Микола три поклони, одбивъ три поклони и Дуброва старий.

Потімъ знявъ зъ божниці образъ невеличкий: «ході сюди, Миколо.» Микола підступивъ, ставъ на вколішки. «Благослови тебе Боже, якъ я благословляю тебе, люба дитино моя! пошли тобі, Господи, вікъ довгий, розумъ добрий та долю щасливу»... схопивъ за голову, ще хотівъ щось казати, та й не сказавъ за слёзами.

— Слухай же, Миколо, що я тобі, може, вь останній разъ, казатиму. Бійся Бога, не бійся труда, не обіждай мёншого. Отцей гаманецъ,—тутъ сто рублівъ — возьми; се не плата за твою працю вь моїмъ добрі—Богъ тобі заплатить за твою щирю правду!... Не пручайсь, Миколо,—возьми; необіждай хоть ти мене на сторости віку. Знаю,—поки ти здоровъ, чужі гроши тобі не вь жадібку, да на віку усяко буває, моя дитино. Боронить тебе Богъ одъ немочи, або иншого лиха несподіваного,—оддай ці гроши за упокой души; ти сирота, Миколо, умрешъ,—такъ и поминути нікому.

Помолились Богу ще разъ, поїшли. Вийшли за царину—»Прощай, Миколо«, каже старий, »не забувай що я казавъ тобі. *Не такъ ждалося, да такъ склалося:* Божа воля!«...

Попрощались; старий пішовъ до дому, а Микола своєю дорогою.

Иде сердека, а на полі—ні душі живої. Зійшовъ на Кручківъ—Грудъ, що коло дороги,—степъ, кругомъ степъ. Весело дивитись на степи наши безкраї, любо козацькій душі оглядати те широке роздолья степове, тільки не тоді, якъ немає въ тебе на світі ні хатини, ні родини; на степу широкімъ, безрідному сироті у-двое важче его сирітство. Поглянувъ Микола округи, поглянувъ на село, де звиковавъ вікъ свій молодий, на хатки знакомі, на садки вишневі, и гірко, гірко заплакавъ.

VII.

Минуло годівъ десять, чи й лучче. У дворі старого Дуброви господарює писаръ Калюжний,—и двіръ не той зробився: те поважене, друге похилене, наче й хазяїна у дворі немає. Оженившись, писаръ спершу потроху, а потімъ и геть, ставъ питъ. Старий було часто благає зятя: »покинь, сину, писарувати: писарство цеє до добра не доведе!« Зять би, може, й послухавъ, коли жъ старі... тій панство, да шаноба людська на умі. За животи старого ще й туди-сюди було, а якъ умеръ, пішло по-паньскій. Наведе було зять день у день гостей: щобъ и те було, щобъ и друге було, а де его взяти—ему и горенька мало. Годівъ черезъ шість и старій вічнї пам'ятъ заспівали: старий ранше Богу душу отдавъ. Зосталась на господарстві Христина съ чоловікомъ, и дітками Богъ благословивъ; а тутъ—и те треба и другого нема, а хазяйство зъ недогляду небагато давало. Чоловікъ зъ ранку до вечора у розправі, а въ вечері хочъ и тутъ, дакъ же такий, що ні любові одъ его, ні совіту, ні слова ласкавого. Кинетця було Христина по хазяйству сама, дакъ щожъ? одна голова за все... друге—діти дрібні, и коло ихъ треба, а чоловікъ не звикъ, бачъ, до мужицького діла. Нема чого,—думати довго не буде,—нивку по боку.

Сидить такъ разъ Христина у хаті, сумує, латаючи сорочечки дітямъ. »Господи, каже, чи не лихо яке ще крадетця до мене! на серці мовъ гадина вьетця...« коли сусідка на двері: »Христино, серце, лишенько твоїй головоньці!..« Христина такъ и обмертвіла. »Везуть твого чоловіка у турму, вже въ путо закований.« И пестямилась Христина, якъ прибігла до розправи. Благає, плаче: »не можно, каже становий, начальство велить. Твій чоловікъ, голубко, фалшиві пашпорти постачавъ, да и суми *обчеської* недоста́ча.« Чого вже

ни робила сердешна, щобъ якъ-небудь одзволить чоловіка, худобу ростратила, здоров'я занастила, а чоловікъ все-таки пішовъ туди, де козамъ роги правлять.

Зосталась молодиця, якъ тамъ у пісні співають: ні солдацькою жоною, ні мужнєю удовою — бодай нікому хрещеному такъ не зоставатись!...

У годъ такъ, чи вь два, ишли москалі черезъ наше село, становилися на ночліги. Кому треба їхъ, кому й нетреба, усюди налізло. Ви, може, бачили коли, якъ поведуть їхъ по селу по кватерихъ? — кумедія! Кожний такъ и дивитця, де більши хаті, або двір'я, туди прямує, а того й не зна бідолаха, що зъ великого двора часомъ и миши повтікали. Коло Дубровиноного двору трохи небились, кажуть, думка-то: «оттуть можна и питеньнямъ и іденьнямъ підживитись» — о бодай васъ! »бувъ квасъ, якъ кажуть, та небуло васъ, а настало квасило, дакъ и васъ розносило!»

Переночували, пішли. — Подивись, мамо, що це таке? — каже старша дочка Христині, подавши ремінний гаманець.

— Де ти взяла, доню?

— Мету хату, коли лежить підъ лавкою, де москаль ночувавъ.

— Положи жъ, — каже, — підъ горщокъ, на полицю: вернетця москаль — оддаси. Не бійся, вінъ не битиме.

— Вінъ не сердитий, мамо. Учора вибігла я зъ хати, а москаль сидить на призьбі — злякалась такъ! — а вінъ до мене: »не бійся, каже, дитино, не бійсь,« та до мене; узявъ за руку, пита: де твій батько, де мати. Батька, кажу, на Сибір'я задали, а мати вь кімнаті лежать — нездужають. И про діда питавъ, да такий ласкавий, мамо, такъ усе любо дивитця міні вь вічі.

— Добра якась людина, спасибі ему; и вечеряти не дали, а вінъ и слова поганого не сказавъ.

— А сегодні, мамо, раненько, ми дивимось зъ печи черезъ комінъ, що то москаль робитиме, а москаль дивитця черезъ щілочку вь кімнату, де ви лежите, довго дививсь, потімъ ставъ Богу молитись, а слёзи ему такъ и ринуть зъ очей. Може й москалеві, мамо, жалко стало, що ви нездужаете.

Вже й півдня — нема москаля; день, два — нема. «Подай міні, доню, той гаманъ, що москаль забувъ,» каже Христина: що воно таке? «Розв'язала — гроши, перелічила — сто рублівъ. Чудно Христині, що така велика сума, а москаля немає; тиждень и другий — нема.

Візьме Христина гамань у руки, дивитця-дивитця.... де вона ёго бачила?..

— Чи ти бь угадала, доню, того москаля, що бувъ у насъ на кватері?

— Угадала бь, мамо. Високий, чорнявий, вуси такі великі.

— А на виду, нічого въ его немає?

— Нічого нема — на лівій щоці значогь тагь невеличкий, чогось.

Здихнула Христина, тяжко здихнула. »Мамо, мамо, каже, прости тобі Боже, на тімъ світі, за мою и за ёго нещасливу долю!«

Сь того часу Христина все ніби дожидала кого. Вечіръ зайде — Христина повкладає більшихъ спати, а сама за ворота зь малою дитиною. Було и геть и геть місяченько підійметця въ-гору, а Христина усе сидить за ворітьми да въ кінець юлиці поглядає. А про москаля більшъ и чутки не було.

П. Кузьменко.

Писано 1861 р.

въ Поповиці.

АНТІНЬ МИХАЙЛОВИЧЬ ТАНСЬКІЙ.

(Легенда).

Давно се діялось, ще тогді, якъ гетьмани заправляли Україною, живъ на Вкраїні славний лицарь, вельможний панъ, полковникъ кїевскій, Антїнь Михайловичъ Танській. Багато було у ёго людей и худоби; багато земель, селъ и хуторівъ подарувавъ ёму царь Петро; багато накупувавъ Танській, узявши за жінкою, Параскою Палївною, посаху дві куфи польского золота и срібла, а ще більшъ однявъ вінъ, гвалтомъ, одъ убогихъ козаківъ и посполитихъ.

Знали и поважали Танського въ Україні и Польщі; ходила чутка про ёго щедрість и прихильність до ври православної и по далекихъ земляхъ турецькихъ, де ворогъ Христа мордує християнина.

Частенько відтіля, зъ обителей сербськихъ и болгарськихъ, а найбільшъ зъ гори Ахвонської, приїздили до насъ, на Україну, ченьц и ніколи не вертались додому безъ багатихъ дарівъ; щедро наділявъ побожний українець своїхъ безталаннихъ братівъ. Чи мало попередавъ и Танській грошей и подарунківъ на Ахвонську гору; имья ёго поминалось тамъ міжъ *строителями и благотворителями храма сего*.

Разъ, якось, велика халепа постигла Ахвонську обітель. Ватага навіженихъ бісурманівъ поруйновала церкви, пообдірала ризи зъ иконъ и забрала церковний скарбъ. Ченьці поховались по горахъ, да байракахъ, а якъ одійшли вороги, зібрались на руїнахъ плакати, да сумувати.

«Не журітця, діти,» почавъ сивий якъ голубъ игумень: «отчаїєне—великий гріхъ! Се намъ за наши гріхи пославъ Господь; не плачте, бо ще живуть въ Москвщині и Україні божі души,—вони пособлять намъ и, може, коли божя милость, зновъ во славу ёго одправ-

лятимемъ службу на нашій святій горі». Благословивъ вінъ трохъ ченцівъ и пославъ ихъ у Мѣскву и на Вкраїну.

Холонуло серце земляківъ нашихъ, слушаючи оповідання ченцівъ. Останній шелягъ давала имъ бідна удова; повною жменю сипавъ вельможний панъ золото у чернечи кашуки; церкви и монастирі давали свої сосуди; Антінъ Танський подарувавъ барило червінцівъ. У ёго ховали мнхи свій скарбъ и зновъ розходились, щобъ зібрати ще більше. Дивовався Танський, дивлючись на те золото: «уся моя худоба», думавъ вінъ, «не винесе проти сёго». Заздрість и скнарість дерли ёго за серце.... Отъ, привезли ченьці и остатні гроши, щобъ зібрати усе до купи и у ранці рұшити за гряницю. Підійшовъ Танський підъ благословеніе и привітавъ ихъ, якъ дорогихъ гостей.

Настала нічъ. Позасинали ченьці, а Танський не спить: ходить и ходить вінъ по світлиці и думає тяжку думу. Передъ світомъ кличе вінъ до себе слугъ своїхъ, братівъ Петра да Семена Недовірківъ и Матвія Скарбовського.

«Здорові були, вірні мої слуги,» — озвався до їхъ панъ, да наче не своїмъ голосомъ. «У ранці поїдете ви у слідъ за ченьцями; велика филия на Дніпрі, часомъ потоплять; дивіться-жъ, щобъ були цілі їхъ гроші. Молитимемось за їхъ души, а гроші отдасте міні!»

Знає Танський кому й казати такі речі. Обидва брати—перехрещені Татаре, а Скарбовській—недоляшокъ; служивъ вінъ, колись, у гетьмана Потоцького, якъ той ходивъ підъ Хвастівъ, укравъ у его гроші, утікъ до Палія, и переказавъ ему де стоять Ляхи. Несподівано напавъ Палій на Ляхівъ и вирубавъ ихъ у пень, а Скарбовського при собі оставивъ.

—Добре, пане! — одказали слуги.

«Якъ буде усе гараздъ,» каже Танський, — «зроблю васъ сотниками и кожному подарую по хутору».

Поїхали у-ранці ченьці; поїхали за ними и кати їхъ; наздогнали їхъ коло Дніпра, повязали імъ руки, та й укинули зъ кручи у воду; забрали гроші и привезли до Танського. Справдивъ Танський своє слово: зробивъ ихъ сотниками, подарувавъ маєтності, да й ставъ імъ голови у поході, буцімъ-то за зраду.

Думавъ Танський, що й не дознаютьця люде, де досягъ вінъ таку силу грошей, одначе Бгъ не попустивъ. Потонули два ченьці, а

третій бувъ чоловікъ великої сили, порвавъ вінъ вервечки и перепливъ Дніпро. Довго, безъ грошей и хліба, блукавъ вінъ по чужіхъ земляхъ, поки дійшовъ до Ахвонської гори и розказавъ, якъ що було.

Самъ игумень поїхавъ на Україну.

Прийздить вінъ до Танського, та й почавъ на самоті коріти ёго: Душегубче! татю! занастивъ ти еси души християнскі, проливъ кровъ неповинну, обокравъ церкву Божу. Покайся ще поки часъ! Оддай тні гроши, що втаївъ, та йди служити Богу:—може вінъ ще помилюе тебе.

«Які гроши?» питає Танський: «одкасиєсь, божевілний старче.»

Тяжко заплакавъ старий игумень,—бачить вінъ, що дияволь опановавъ душею Танського:—Оддай хочъ половину, коли не хочешъ покаятись. Оддай хочъ сосуди церковні!»

«Не дамъ тобі нічого, бо нема у мене ні грошей, ни сосудівъ вашихъ,» одказавъ ёму Танський.

Перехрестився старий игумень, та й одійшовъ собі. Ставъ на високій могилі и принародно наложивъ на Танського таку клятву:

— За те, що Антінъ Танський занастивъ неповинні душі, втаївъ церковні гроші, земля ёго неприйматиме; добро ёго придбає неправдою, счезне, *яко воскъ отъ лица огня*, перейде нкъ чужимъ людямъ, и рідъ ёго нанівічъ зведетца.

Сумно стало людямъ, якъ почули такі речі; одинъ тільки Танський не йме імъ віри, ще, бенкетує, и дере людей ще горій. Такъ и вмеръ, не покавшись.

Поховали ёго сині; ще не встигли и добромъ поділитись, якъ щось страшне почало діятись. Тільки-що зайде сонце и трохи притемніє, якъ изъ домовини вилазить старий полковникъ: борода по поясъ, очі палають пекельнимъ огнемъ, зъ рота поломъа сапле, права рука на серці, въ лівій перначъ держить и ходить ажъ поки півні не заспівають, а тоді застогне такъ що чубъ у гору лізе,—и зновъ ляговитця въ домовину.

Думали-гадали сини, щò імъ робити,—бачуть, що правду казавъ пророкъ-игумень. Позвали печерського архимандрита, розкопали могилу, ажъ лежить старий Танський, неначе живий,—тільки борода одросла и кігті повиростали. Узяли сини осиковий кілъ и пробили Танського

наскрізь, а архимандритъ прочитавъ молитву и положивъ закладте, щобъ не виходивъ більшъ изъ домовини.

И теперъ старі люде показують ту могилу, де проклявъ Танського игуменъ; да часомъ, опівночи, щось страшно, страшно стогне підъ землею, неначе терпить несказанну муку.

Митро Олельковичъ.

СНН.

Стоїть сосна одинока

На голій вершині

И, подъ снігомъ, на півночі,

Снитця сиротині

Все полудень ясний, теплий,

Долина глибока,

Та джерела живучі,

Та пальма висока.

Ст. Руданський.

МОИ ВОСПОМІНАНІЯ.

II.

До прїѣзда матушки, я провелъ нѣсколько дней въ совершенномъ уединеніи; за исключеніемъ Григоровича, я не видѣлъ никого изъ соседей, не имѣя самъ охоты ѣздить съ визитами. Но какъ только возвратилась матушка, все пошло иначе. На другой же день, за обѣдомъ, у насъ сидѣло человѣкъ пятнадцать. Я не былъ знакомъ рѣшительно ни съ однимъ изъ гостей, и мнѣ предстояла тяжелая необходимость выдержать напоръ всевозможныхъ любезностей, на которыя я не зналъ что отвѣчать. Я принялъ за-блага отмалчиваться, и оставался дѣмъ какъ рыба. Какой-то господинъ, очень толстый, должно быть, служившій когда-то въ военной службѣ, схватилъ меня въ свои мощныя объятія, изцѣловалъ все мое лицо, и объявилъ, что я — рѣдкій мужчина, что, по его словамъ, было ужъ очевидно и тогда, когда я еще находился на рукахъ няни. Тутъ же, въ видѣ комплимента, толстякъ прибавилъ, что такая дама, какъ моя матушка, не иначе могла разрѣшиться отъ бремени, какъ молодцомъ-мужчиной или красавицей-дочерью. Вопросамъ не было конца: нѣкоторые по молодости моей, приводили меня въ сильное смущеніе. Всего неприятнѣе показались мнѣ распросы о видахъ, какіе я имѣю относительно моей будущности, намѣренъ ли я вступитъ въ службу, или жить въ деревнѣ, заниматься хозяйствомъ?, предпочту ли я военную службу гражданской, или наоборотъ? и если я не буду служить, то думаю ли вскорѣ жениться, или рассчитываю еще пожить на волѣ, не заводясь своимъ домкомъ?—А впрочемъ, (прибавляли,) если жениться, то за этимъ дѣломъ у насъ не станетъ: стѣнитъ не то—сказать, а подумать, и невѣсты налетятъ какъ вороны на падаля, —замѣтилъ сидѣвшій противъ меня господинъ, съ огромными претензіями на остроуміе.

Барышни, слышавшія это, сильно краснѣли и опускали очи долу, почти за каждымъ словомъ. Тяжелъ былъ для меня этотъ день,—безжалостно разбивала каждая его минута, одинъ за другимъ, идеалы, которые еще носились въ моемъ воображеніи. Увы! не было никакого подобія между тѣми лицами, которыя торчали передъ моими глазами, и тѣми козаками, которые такъ плѣняли меня когда-то. Въмѣсто открытыхъ, добродушныхъ и, въ то же время, мужественныхъ людей, о которыхъ сохранилась память въ народныхъ преданіяхъ, я очутился въ толпѣ жалкихъ ихъ потомковъ съ лицами — или высушенными до-нельзя, или же толстыми, расплывшимися до возбужденія въ свѣжѣмъ человѣкѣ тошноты. Заспанная, испитая, фіолетоваго цвѣта, съ выраженіемъ или лукавства и готовности на всякую мерзость, или же съ выраженіемъ лѣни, тупоумія, плотоугодія,—люди эти, если не возбуждали противъ себя негодованія и злобы, то ужъ непремѣнно заставляли отвернуться и грустно задуматься. Все это собраніе толковало о чинахъ, объ орденахъ, о наградахъ и штрафахъ, объ обѣдахъ, ужинахъ, карточной игрѣ, водкѣ, женщинахъ—въ ихъ смыслѣ, и т. п.

Все это были или чиновники, недумавшіе, впрочемъ, нисколько о службѣ, а рассчитывавшіе только на выгодныя дѣла, или помѣщики, изъ отставныхъ, уже ровно ни о чемъ недумавшіе, толковавшіе вѣчно о пуляхъ да о роперахъ, погрузившіеся окончательно въ ѣду и питье, предоставившіе управленіе своими ичѣйными мошенникамъ-прикащикамъ, умѣвшимъ побольше сдирать съ крестьянъ, неимѣвшимъ ни малѣйшаго понятія о правильномъ хозяйствѣ, непривыкшіе мыслить о чемъ-либо дѣльномъ, дѣйствовавшіе по какому-то особому вдохновенію, нападавшему на нихъ за зеленымъ столомъ, или за жирнымъ обѣдомъ. Между гостей, бывшихъ тогда у матушки, я замѣтилъ одного только человѣка, непричастнаго, повидимому, къ этой шайкѣ. Но онъ, по-большей-части, молчалъ, мало вмѣшивался въ разговоръ, и на разныя выходки, относившіяся къ нему, какъ усердному любителю женскаго общества, отвѣчалъ коротко или не отвѣчалъ вовсе. Объ немъ я расскажу послѣ.

Меня непріятно удивляло равнодушіе, съ какимъ матушка выслушивала всѣ пошлости, говорившіяся безъ-умолку. Она охотно смѣялась, охотно поддакивала гостямъ, когда они обращались ко мнѣ, и рассказывала сама нѣсколько случаевъ изъ моей жизни, которые, по ея мнѣнію, могли возвысить меня въ глазахъ собравшейся публики.

Когда кончился обѣдъ, и до-отвала накушавшіеся гости встали изъ-

за стола, матушка поручила мнѣ *занять* мужчинъ, ушедшихъ на другую половину. *Занять* значило позаботиться о томъ, чтобъ они поскорѣе уѣли за карты. Обрадовавшись этому обстоятельству, я рассчитывалъ уйти къ себѣ и нѣсколько отдохнуть отъ той тяжести, которую чувствовалъ послѣ трехъ часовъ, проведенныхъ въ обществѣ, обычаемъ и привычкамъ котораго я былъ чуждъ. Два столика вскорѣ раскрылись. Вмѣстѣ съ картами и мѣломъ, поставили по двѣ бутылки наливки на каждомъ. Черезъ нѣсколько минутъ, сквозь дымъ, поднявшійся отъ 8 трубокъ, въ комнатѣ ничего не было видно, и только неистовые возгласы игравшихъ, отъ времени до времени, оглашали комнаты. Отдѣлавшись, такимъ образомъ, отъ половины гостей, я поспѣшилъ убраться въ свою комнату. Но не тутъ-то было. Сперва явилось ко мнѣ два господина, немѣвныя партіи, и, извинясь, что обезпокоили меня, попросили позволенія маленько соснуть. Я провелъ ихъ въ другую комнату, и заперъ за ними дверь.

— Ну, слава Богу! — подумалъ я: — теперь, кажется, всѣ имѣютъ дѣло, и оставлять меня въ покоѣ. — Но я ошибся: снова позвали меня къ *гостямъ*, именемъ матушки. Нечего было дѣлать, — пошелъ я. Войдя въ гостиную, я засталъ довольно интересную сцену: одна изъ посѣтительницъ, стоя посреди комнаты, выкидывала какія-то отчаянныя *на*, работая ногами съ замѣчательною для ея лѣтъ быстротою и ловкостью. Я остановился у двери и вполнѣ могъ налюбоваться и граціей почтенной дамы, и множествомъ наверхенныхъ на нее грязныхъ юбокъ, и непривлекательными ногами. Зрѣлище этого рода было для меня совершенно ново; присутствовавшіе поощряли актрису усерднымъ смѣхомъ; я не зналъ что мнѣ дѣлать, и нужно ли было мнѣ тутъ тутъ остаться или уйти. По окончаніи танца, нѣсколько похожаго на качучу, мнѣ объяснили, что эта дѣвица (я, по незнанію, судя по лѣтамъ, принялъ ее сначала за даму,) представляла, какъ на послѣднемъ балѣ танцевала одна знакомая. Нѣсколько голосовъ, когда общій смѣхъ немного утихъ, подтвердили, что Катенька, (помянутую танцовщицу звали Катей, хотя она имѣла полное право обидѣться этимъ уменьшительнымъ и потребовать, чтобы ее звали, прилично ея лѣтамъ, полнымъ именемъ) подтвердили, что Катенька необыкновенно-вѣрно представляла какую-то даму, и что развѣ только ноги подымала нѣсколько выше, чѣмъ того требовала строгая истина.

На столѣ, между тѣмъ, явился обильный десертъ. Чего тутъ не было! чѣмъ-то гомерическимъ дышалъ этотъ десертъ. На огромнѣйшемъ

подносѣ, который съ трудомъ можно было обнять обѣими руками, на- ставлено было такое множество сухихъ и жидкихъ вареній и другихъ сластей, что городскому жителю поглощеніе всѣхъ этихъ яствъ каза- лось рѣшительно невозможнымъ. Тарелки, тарелочки, блюдечки, корзи- почки были наполнены вареньями, по крайней мѣрѣ, пяти сортовъ, са- харными и медовыми, фруктами свѣжими, засушенными, и засахарен- ными изумительно-вкуснымъ образомъ; разнаго рода ягоды, красивыми горками, были разложены на мисочкахъ изображавшихъ виноградные листья; орѣхи всѣхъ странъ также занимали тутъ не послѣднее мѣсто.

По приглашенію матушки, все женское общество разомъ подня- лось съ мѣстъ, и прекрасныя посѣтительницы обступили столъ непри- ступной стѣною. Барышни съ особеннымъ усердіемъ хватились за орѣхи и тѣ части десерта, которыя можно было положить въ карманы и кушать, потомъ, расхаживая въ саду и по комнатѣ, Оживленный разговоръ, между-тѣмъ, не прекращался ни на минуту. Дамы были необычно- венно-бойки на языкъ, говорили почти всѣ разомъ, пересылая свой разговоръ дружнымъ смѣхомъ. Дѣвица Катенька оказалась не менѣе искусною въ діалектикѣ, какъ и въ хореграфическомъ искусствѣ. Эта сеоба, вообще, была одна изъ замѣчательнѣйшихъ личностей нашего уѣзда и играла въ немъ довольно важную роль. Кто не желалъ ис- портить свою карьеру въ уѣздномъ кругу, тому необходимо было со- стоять съ нею въ хорошихъ отношеніяхъ; кто попадалъ къ ней въ немилость, для того все погибло! Живость природнаго ума, красно- рѣчіе и насмѣшки Катерины Петровны, умѣвшей подмѣчать въ своей жертвѣ малѣйшіе недостатки и слабости, скоро повергали ее во прахъ какъ бы ни былъ высокъ пьедесталъ ея, и все общество, въ-особен- ности—женщины, лгало предъ этимъ цензоромъ въ юбкѣ, показывая своему бичу живѣйшую дружбу.

Послѣ десерта матушка поручила мнѣ проводить въ садъ трехъ миленькихъ барышень. Я и смутился и отчасти обрадовался этому порученію: свѣжій воздухъ былъ очень кетати послѣ комнатной духо- ты и шума въ гостиной. Двѣ изъ трехъ дѣвицъ въ самомъ дѣлѣ бы- ли очень миловидныя брюнетки; онѣ были бы еще милѣе, еслибъ ихъ не научили жеманству. Гуляли мы довольно долго. Я, подвѣчеръ, сталъ развязнѣе и былъ *любезенъ*. Мои шутки не разъ заставляли барышень смѣяться отъ души; онѣ скоро освоились со мной до-то- го, что одна изъ нихъ, посмѣлѣе, назвала меня даже шалуномъ и спросила, не *сочиняю* ли я стихозъ. Я отвѣчалъ утвердительно.

Это ихъ очень заняло; и кончилось тѣмъ, что съ меня взяли слово пріѣхать къ нимъ, и написать что-нибудь *на память*, но при этомъ, одна изъ явила опасеніе, чтобъ я не сочинилъ на нихъ критики. Впрочемъ, я разсѣялъ эти опасенія, увѣривъ ихъ, что воспѣваю только одни достоинства прекраснаго пола и смотрю очень снисходительно на его недостатки. Уставши порядочно, мы возвратились, наконецъ, въ гостиницу, гдѣ, на столѣ, шипѣлъ уже огромный самоваръ. Продолжительная прогулка наша вызвала нѣсколько тонкихъ замѣчаній и намековъ, на которые мы не обратили вниманія; но когда матушка назвала меня *хомякомъ* и изъ явила заботу, не скучали ли барышни въ моемъ сообществѣ, то онѣ хоромъ объявили, что совершенно *напротивъ*, что, *напротивъ того*, онѣ провели время очень пріятно, и что, *напротивъ*, онѣ боятся, не скучалъ ли я съ ними. При этомъ, одна нѣжная мамаша нѣжно поцѣловала въ лобъ свою дочь и погладила ее по головкѣ. Безполезно, думаю, говорить, что я, съ своей стороны, объявилъ, какъ пріятна была для меня прогулка.

Чай тянулся нестерпимо долго, такъ-какъ мужчины, все еще игравшіе въ карты, пили по пяти и шести стакановъ. Я прошелъ къ игравшимъ. Дымная атмосфера, попрежнему, густою массою наполняла комнату. Протерши глаза, я наконецъ разсмотрѣлъ, что одинъ столъ уже опустѣлъ и всѣ столпившись къ другому, на которомъ стояли стаканы съ чаемъ и бутылка съ ромомъ. Гигантъ—исправникъ держалъ банкъ; столпившіеся понтеры, медленно вытягивали изъ колоды карты, вскрикивали, по временамъ, *аманде!*, горячились, изрѣдка, довольно выразительно, брали валета и даже даму, которая, по мнѣнію извѣстнаго остряка, была просто подлая измѣнница. Исправникъ, очевидно, металъ очень-удачно: круглое, лоснящееся лицо его и маленькіе глазки, заплывшіе жиромъ, блистали довольствомъ, а фізіономіи понтеровъ, напротивъ, были надуты и сумрачны. Григоровичъ, также явившійся вечеромъ,—сидѣлъ у стола съ взъерошенными волосами, раскраснѣвшійся, но съ тою же неподвижностью мускуловъ въ лицѣ, судорожно выдергивалъ карты, ставилъ, снималъ со стола и рвалъ, приговаривая только: «туда къ чорту!» Стряпчій, бывшій тутъ, хотя и не принималъ участія въ игрѣ, но сочувствовалъ исправнику; онъ усердно слѣдилъ за картами, засунувъ два пальца въ ротъ и одобрительно качалъ головой всякій разъ, когда брала карта исправничья.

Въ полночь, начали готовить къ ужину. Въ часъ сѣли за столъ. Ужинъ отличался отъ обѣда рѣзко видомъ кушаньевъ, но

не количествомъ. Ъли и пили столько же, но разговоры были нѣ-сколько другіе: вниманіе сосредоточивалось на огромномъ выигрышѣ исправника, простиравшемся до 400 р. Исправницу это очень обрадовало; она не могла скрыть своего удовольствія и безпрестанно шепталась съ дочерью, сидѣвшими около нея, вѣроятно — о новыхъ бурнусяхъ, платьяхъ или шляпкахъ, на которыя теперь можно было рассчитывать. Къ концу ужина лошади стояли уже у крыльца; начали прощаться, и эта церемонія братской нѣжности тянулась не менѣе полчаса. Съ дамами я вѣжливо раскланялся, а барышнямъ, съ которыми гулять, подавъ руку; мнѣ отвѣтили дружескимъ двукратнымъ пожатіемъ. «Браво!» подумалъ я: «вотъ что значить быть *со-чинителемъ!*...» — — —

На другой день я проснулся съ головной болью отъ вчерашняго дыма, пустаго говора и суеты, произведенной въ нашемъ домѣ наѣздомъ гостей. Мнѣ стало грустно. То было первое мое знакомство съ обществомъ, посреди котораго я долженъ былъ провести годъ, два, а можетъ-быть, и больше, смотря по обстоятельствамъ. Передъ глазами у меня носились еще образы вчерашнихъ посѣтителей, въ ушахъ раздавались неистовые возгласы за картами, вскрикиванья и хохотъ дамъ за десертомъ; 40-лѣтняя Катенька еще плясала передо мной качучу, и воображеніе вытягивало безконечную цѣпь дней, которые приходилось мнѣ проводить такимъ безобразнымъ образомъ. Вотъ во что разрѣшились мои мечтанія, вся таинственность и призрачность, такъ долго тревожившія мое воображеніе! Какое безотрадное разочарованіе! какая жалкая дѣйствительность! Что тутъ было дѣлать? Спокойно отказать отъ идеаловъ и благоразумно примириться съ фактомъ несомнѣннымъ и неизбѣжнымъ? Но это было слишкомъ тяжело, это было выше силъ монаховъ; для этого нужно было отречься отъ вѣрованія во что-то лучшее, безъ чего, казалось, невозможна для меня и самая жизнь. Я готовъ былъ обвинять самого-себя, свою нетерпимость, непроницательность, и рѣшился употребить все старанія, чтобъ отыскать на родинѣ ту прелесть, которая такъ недавно еще меня плѣняла. Я видѣлъ до-сихъ-поръ одно неестественное, болѣзненное; я долженъ найти народный поэтический первообразъ во всей его чистотѣ, и посредствомъ его — примиреніе со зломъ неизбѣжнымъ, но временнымъ. Съ помощью такихъ разсужденій, мнѣ удалось убаюкать себя и повеселѣть.

Поспѣшивъ одѣться, я вышелъ въ садъ. Чудный воздухъ и безд-

на ягоды, на которыя я напалъ съ ожесточеніемъ, подѣйствовали на меня еще успокоительнѣе. Еще было рано, но матушка уже хлопотала въ саду около варенья. Ласково встрѣтивъ меня, она съ любовью поглядѣла на свое сокровище, (такъ она меня называла), нѣжно поцѣловала въ лобъ и предложила остаться съ нею. Я утѣлся на травѣ у ея ногъ и разговаривая съ матушкой, сталъ наблюдать за шипящимъ въ тазикѣ сиропомъ и дрожащимъ надъ жаровней воздухомъ. Неизмѣнный Ондрій, въ фартукѣ, съ полотенцемъ на лѣвой рукѣ и съ большой серебряной ложкой въ правой, выставивъ немного впередъ одну ногу, стоялъ поодаль и съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ, изъ-подъ густо-нависшихъ своихъ бровей, за вареньемъ. Когда наливавшаяся густо затыгивала варенье, онъ, медленно прикасаясь къ ней вѣшней стороной ложки, снималъ ее и собиралъ въ блюдечко; иногда подносилъ онъ тазикъ къ матушкѣ, которая дѣлала какое-нибудь замѣчаніе, впрочемъ, всегда несогласное съ мнѣніемъ Ондірія, обыкновенно одерживавшаго верхъ, въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ. Все было тихо кругомъ; солнце подымалось выше; птички начинали стихать, — только ѡволги живо и сладострастно перекликались въ рощѣ и вишнякъ, да дятель изрѣдка долбилъ дерево. Но вотъ, жаръ усилился, — припекло. Ондрій обтеръ полонъ сюртука потъ, проступившій на его лысинѣ, отдулся и отошелъ дальше, въ тѣнь.

— Ты бѣ, Ондрій, снялъ сюртукъ, — сказала матушка.

Ондрій ничего не отвѣчалъ, пошевелилъ ложкой и остался какъ былъ.

Мухи, осы и шершни неотвязно кружились возлѣ варенья. Ондрій называлъ ихъ *шельмовскими*, но потихоньку, безъ малѣйшей злобы. Все располагало къ лѣни и миру. Вдругъ трещетка, которою садовникъ пугалъ птицъ, объѣдавшихъ ягоды, затрещала такъ громко и неожиданно, что мы вздрогнули. Вдали *заковала* кукушка. Ондрій насчиталъ 5 разъ, и вздохнулъ: и ему было жаль разставаться съ жизнью.

— Жарко! — сказала матушка, махая платкомъ. Я мысленно согласился съ нею, но не сказалъ ни слова: хорошо было сидѣть и молчать, подъ лучами жаркаго солнца.

Наконецъ Ондрій снялъ тазикъ съ жаровни, помѣшалъ варенье ложкой, и объявилъ, что уже сварилось.

— Слава Богу! — замѣтила матушка. Пойдемъ въ комнаты, — обратилась она ко мнѣ.

— А больше не будемъ варить? — спросилъ Ондрій.

— Богъ съ нимъ, — отвѣчала матушка.

— А крыжовникъ надо бы приварить, — отозвался опять Ондрій.

— Охъ, нѣтъ, жарко, — сказала матушка. — Вари самъ, коли хочешь, а я пойду. Пойдемъ.

Мы встали и пошли; Ондрій остался, довольный тѣмъ, что его мнѣніе уважено. Я не замѣтилъ, какъ во мнѣ все улеглось, усемирилось, и въ эту минуту не понималъ, какъ я могъ до такой степени сердиться и огорчаться. Я былъ, казалось, всемъ доволенъ: мнѣ было такъ хорошо! Впечатлѣніе этого утра осталось во мнѣ навсегда. А что собственно въ немъ было хорошаго, трудно объяснить себѣ, а еще труднѣе разеказать. Этому хорошему, невыразимому, я думаю, все отдается безотчетно и безосознательно. Въ такія минуты только чувствуется, а ни о чемъ не думается. Это что-то неуловимое, легкое какъ дымъ. Оно отлетаетъ отъ насъ незамѣтно, безвозвратно, и нѣтъ возможности удержать его.

По подхода къ дому, я чувствовалъ, что съ каждымъ шагомъ теряю частицу прежнихъ ощущений; упоеніе проходило; комнаты и запахъ пироговъ приготовленныхъ намъ на завтракъ, напомнили мнѣ вчерашнихъ гостей и всю прозу дѣйствительности, которая и не замедлила показать себя.

Только-что приступилъ я къ завтраку, какъ пріѣхалъ гость. Это былъ господинъ довольно толстый, большаго роста, съ красными, дрожавшими щеками и съ посомъ, напоминавшимъ огурецъ, подъ которымъ разрослись огромные черные усы, слегка помѣченные сѣдиною. Одѣтъ онъ былъ неопрятно и даже грязно. Ходилъ онъ точно опасаясь, чтобъ подъ нимъ не подломилась земля. Въ лѣвой рукѣ у него былъ длинный чубукъ и шолоковый, офицерскій, кисеть.

Гость этотъ — никто иной, какъ тотъ самый острякъ, съ которымъ я познакомился на-канунѣ, по имени — Ардаліонъ Карповичъ, по фамиліи — Росоха. Говорилъ Росоха плавно и, по его мнѣнію, краснорѣчиво; то и другое качество пріобрѣтены имъ вслѣдствіе постоянного упражненія, ибо молчить онъ тогда, когда спитъ, или такъ пьянъ, что не поворотить языкомъ. Последнее случается не рѣдко. Какую роль играетъ онъ въ обществѣ Гнильскаго уѣзда, (нашъ уѣздный городъ называется Гнилымъ), определить это довольно трудно.

Ардаліонъ Карповичъ имѣлъ, когда-то, очень хорошее состояніе и служилъ въ кавалерійскомъ полку. Ему теперь лѣтъ за пятьдесятъ; слѣдовательно, молодымъ былъ онъ давно. Любилъ онъ жить *хорошо*, чему доказательствомъ служить, между прочимъ, и то, что

имѣніе его, въ сосѣдней губерніи, пришло въ такой жалкій видъ, что онъ даже и не жилъ въ немъ, а переѣхалъ въ нашу губернію и поселился въ нашемъ городѣ, у одной сорокалѣтней вдовы — приятельки. Молодость свою Росоха провелъ очень бурно. Умный, ловкій порядочно, по тогдашнему, образованный, онъ пользовался репутаціею прекраснаго молодаго человѣка и, что еще лучше, выгоднаго жениха. Женатъ, впрочемъ, никогда не былъ, хотя дѣлалъ невѣроятныя побѣды надъ нѣжными женскими сердцами. Дрался раза три, на дуэли, съ оскорбленными мужьями, и наводилъ такой страхъ на маменекъ, что, говорятъ, онѣ запрещали дочерямъ произносить его имя, хотя сами вели нескончаемые переговоры, черезъ ловкихъ дамъ, насчетъ брака. Но, благодаря его избѣгательной, дерзкой натурѣ, ему весело жилось и безъ жены. Украсть изъ пансіона, разомъ, нѣсколько пансіонерокъ было для него дѣломъ весьма-обыкновеннымъ. Безъ приключеній онъ не могъ жить. Женщины, карты, вино, а въ промежуткахъ, ѣзда на жидяхъ, изъ одной деревни въ другую, — это называлъ Ардаліонъ Карповичъ *жизнью*. Молодые дамы, къ полному отчаянію мужей, были отъ него безъ ума и, ради его, готовы на всевозможныя жертвы. Одинъ разъ, когда варварамъ—мужьямъ удалось засадить Арадыола Карповича на гауптвахту, дамы цѣлымъ соборомъ явились къ полковнику просить о помилованіи ихъ идола. Полковникъ помиловалъ, выпустилъ Росоху, а онъ, вмѣсто благодарности, исчезъ куда-то на нѣсколько дней, и явился въ полковую квартиру съ какой-то женщиной, которую долго скрывалъ отъ любопытныхъ взоровъ. Стали даже поговаривать, что онъ женился на ней. Но Росоха былъ не таковъ. Однажды задалъ онъ великолѣпную *вечеринку*, на которую созвалъ весь полкъ. Послѣ ужина онъ вывелъ свою любовницу, показать ее гостямъ, а на другой день о ней и слуху не было. Это была какая-то княжна, необыкновенная красавица, влюбившаяся въ Росоху дотого, что согласилась бѣжать съ нимъ; когда онъ ее бросилъ, несчастная ушла въ монастырь.

Такъ провелъ молодость Росоха. Между тѣмъ, состояніе его и здоровье разстроились. Забравшись въ долги по-уши, онъ долженъ былъ продать свои имѣнія одно за другимъ. Безъ денегъ, изжившійся и пресыщенный удовольствіями, онъ вышелъ въ отставку тридцати лѣтъ, но, послѣ буйной военной жизни, деревня ему показалась скучною; онъ началъ пить, продолжая, по временамъ, играть по маленькой. Водка неблагопріятно подѣйствовала на его наружность.

Прежде красивое лицо его обвисло и обрюзгло; подъ глазами явились мѣшочки; самые глаза потеряли блескъ и ту силу взгляда, которыми такъ плѣняли когда-то. Женщины стали отворачиваться отъ него, подсмѣиваться, дѣлать намеки на то, что время побѣдъ его уже прошло. Одна бойкая барыня пошла еще дальше: выслушавъ любовное объясненіе, она назначила ему свиданіе, но, въ бесѣдѣ, вмѣсто барыни, его встрѣтила ея горничная.

Такая выходка, конечно, взбѣсила его; онъ вздумалъ отомстить, но месть вышла неудачная, плоская.

Его попросили не ѣздить въ домъ, и намекнули на розги. Великолѣпный когда-то Росоха смолчалъ. Видя, что женщины отъ него отступились, онъ попробовалъ пристать къ мужчинамъ. Тутъ сначала ему удалось сдѣлаться героемъ поноскъ, особенно между провинціальною молодежью, смотрѣвшею на него съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Но и это амплуа занималъ онъ недолго. Анекдоты его и рассказы о своей молодости скоро избились и надоѣли всѣмъ до такой степени, что ихъ перестали слушать и обращались къ нему съ видомъ покровительства. Каждый считалъ долгомъ подшутить на его счетъ; ни тѣни деликатности уже не было въ обращеніи его знакомыхъ. Между тѣмъ, ему стукнуло сорокъ; сѣдина начала пробиваться; кости стали побаливать; незаметно подкрадывалась старость. Оглянулся Росоха—состоянія нѣтъ, денегъ—тоже, прежней силы и воли—какъ не бывало; со всѣхъ сторонъ намеки, насмѣшки, грубости; чуть онъ на порогъ, ему тотчасъ предлагаютъ рюмку водки, просятъ, для потѣхи, кувыркнуть, или ногою ухо почесать.

Что оставалось дѣлать? Подумалъ-было Ардаліонъ Карповичъ пулю въ лобъ пустить, но повертѣлъ, повертѣлъ пистолетъ да и спряталъ,—духу не хватило. Запереться въ четырехъ стѣнахъ, никуда не показываться.... но для этого нужно чѣмъ-нибудь заняться, а это было для него труднѣе нежели застрѣлиться... Запилъ Росоха съ горя. Часто уже видѣли его шатающимся, болтающимъ страшную чепуху, и когда онъ завирался, его безъ церемоніи брали подъ руки, уводили изъ гостиной и укладывали спать, подъ присмотромъ прислуги. Это окончательно скрутило Росоху, онъ продалъ что могъ, купилъ что было необходимѣе, взялъ съ собою кучера да козачка, и убрался изъ своей губерніи въ нашъ уѣздъ, гдѣ у него были какіе-то родственники. Жилъ онъ нѣсколько времени, переѣзжалъ отъ одного къ другому, а наконецъ познакомился съ Марьей Ивановной, вдовой

титularнаго совѣтника, сошелся съ нею да и поселился въ ея домѣ, на ея хлѣбахъ.

Такъ—какъ уѣздъ нашъ отличается необыкновенною терпимостью и снисхожденіемъ къ слабостямъ человѣческимъ, то и Росоху приняли радушно. Онъ сдѣлался непремѣннымъ членомъ всякихъ собраний, официальныхъ и неофициальныхъ, другомъ каждаго дома, гдѣ бывалъ, вѣстникомъ всякихъ новостей, общимъ кумомъ, словомъ—получилъ право полного гражданина. Вотъ и повеселѣлъ немножко Ардаліонъ Карповичъ, бодрѣе сталъ и разтѣзжаетъ на сѣрой тройкѣ по уѣзду.

Въ этотъ періодъ коловратной жизни, я познакомился съ Росохой.

Ардаліонъ Карповичъ подошелъ къ матушкѣ, поцѣловалъ у ней руку, потомъ поздоровался со мной, и видимо нагруженный малою толикою, усѣлся въ углу, набилъ трубку, высѣкъ огня и закурилъ.

— А что, Ардаліонъ Карповичъ, можетъ быть водочки выпили-бы,—обратилась къ нему матушка.

— *Способенъ*,—отвѣчалъ Росоха.

Принесли водку. Росоха выпилъ, крикнулъ, закурилъ хлѣбомъ, еще выпилъ и крикнулъ, и снова закурилъ трубку.

— Что новенькаго?—спросила матушка.

— Да чтоже можетъ быть новаго, сударыня... ничего. Проигралъ вчера десять цалковыхъ.

— Какъ не стыдно играть,—наставительно замѣтила матушка.

Росоха пустилъ сквозъ зубы нѣчто въ родѣ свиста.

— Не могу, сударыня, никакъ не могу. Къ тому же, вчера такой вечеръ вышелъ. Были мы у исправника, а этотъ барабанъ непремѣнно затѣетъ штось. Я таки сначала отказывался, да нельзя: пристали дураки: играй, братъ,—почему не играешь?—ну, и игралъ, и проигралъ,—протяжно проговорилъ Ардаліонъ Карповичъ.

— А вы играете, молодой человѣкъ?—обратился онъ ко мнѣ, немного помолчавъ.

Я отвѣчалъ отрицательно.

— И прекрасно дѣлаете. А я играю, и водку пью, и буду пить и играть, пока живъ.

Въ этомъ, впрочемъ, нельзя было и сомнѣваться.

— Вы, вѣдь, въ университетѣ воспитывались?—опять обратился ко мнѣ Росоха.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Знаю, знаю. Были у насъ въ полку и университетскіе—плохіе-съ, я вамъ скажу. У нихъ, тамъ, все какіе-то каламбуры да финтифлюшки, да категоріи, а чтобъ души—этого нѣтъ. Все какъ-то имъ не нравится, свысока у нихъ все... Понимаемъ мы это.... А я, доложу вамъ, человѣкъ съ душой, товарища люблю. Да что! за товарища, бывало, на чорта полѣзу,—да-съ!.. Былъ у насъ поручикъ Ергаковъ—душа—человѣкъ, да дуракъ! Вы думаете, онъ дуракъ былъ? нѣтъ, онъ былъ не дуракъ,—золотая голова, да малый горячій, не умѣлъ держаться. Стоялъ нашъ полкъ въ Польшѣ; это было въ 38 году. Ну, Польки, знаете, бѣдовыя: такихъ брелоконъ пустить, такъ подѣдетъ, что ни рукой, ни ногой. Вотъ, попался мой Ергаковъ къ какой-то паннѣ Юзѣ. Вляпался человѣкъ да, и только! А она злодѣйка, себѣ на умъ: дай-ка, думаетъ, женю я тебя на себѣ. Хаживала она къ офицерамъ. Меня тогда не было въ полку, въ командировкѣ былъ; пріѣзжаю,—говорятъ: Вася Ергаковъ женится.—На комъ?—«На Юзѣ».—На Юзкѣ?! Когда свадьба?—«Тогда-то». А его эскадронъ стоялъ вереть за 20. Пошолъ я къ полковнику, отпрапортовалъ, выпался да на другой день—туда. Прискакалъ къ нему на квартиру,—спрашиваю у деньщика: гдѣ Василій Петровичъ? «Въ церкви,» говоритъ.—Зачѣмъ?—«Вѣчаютъ нынче». Я, сгоряча, далъ ему въ зубы, да въ церковь. Смотрю—эта скотина стоитъ и ожидаетъ невѣсту. Я къ нему:—что ты тутъ дѣлаешь?—«Женюсь», говоритъ.—Женишься? нѣтъ, братъ, шалишь: полковникъ зоветъ, сію минуту велѣлъ ѣхать. Ёдемъ!—Тотъ, было, туда—сюда: какъ, молъ, можно, сейчасъ невѣста пріѣдетъ.—Не сейчасъ,—говорю ему,—а сію минуту: понимаешь?—За руки его, въ телѣгу и маршъ! Привезъ къ себѣ на квартиру да какъ распекъ, такъ онъ послѣ во всю жизнь былъ благодаренъ... Вотъ это значитъ: товарищъ! человѣкъ, значитъ. А ученыхъ не люблю,—воля ваша...

«Чтоже—Юзка?—спросилъ я.

— Юзка, бестія, утѣшилась, и другихъ стала ловить, по прежнему...

Матушка ушла; мы остались вдвоемъ.

— Вы, я знаю, про себя скотиной меня называете, а я вамъ говорю, что я человѣкъ съ душой. Я, вотъ, пойду,—водки еще выпью. Вы скажете: пьяница—какъ вамъ угодно, а у меня сердце есть, душа! Я, вѣдь, книгъ не читаю, не вѣрю имъ, а еслибъ захотѣлъ, такъ самъ бы сочинялъ, да зачѣмъ?.. не хочу. Я уважаю

вашу матушку, это я всёмъ скажу; а что я водки выпью, такъ она за это въ претензіи не будетъ. Мы тоже *жили*: да какъ жили! А теперь нѣтъ ничего... все судьба!

Ардальонъ Карповичъ выпилъ водки и долго еще болталъ въ этомъ же родѣ, пока не позвали обѣдать. Отъ вина онъ отказался, объяснивъ, что вина не пьетъ; зато водку и наливку пилъ такъ усердно, что, вставъ изъ-за стола, не совсѣмъ уже твердо держался на ногахъ.

— Вы думаете, что вы женитесь, такъ и человѣкомъ будете?—ни съ того ни съ сего заговорилъ онъ ко мнѣ.—А я вотъ, не женился и не женюсь никогда... а я—жилъ! Теперь нѣтъ ничего!.. судьба!.. Ну, чтожъ? Пропадъ,—а я не обидѣлъ никого... А друзья—подлецы! обманули!.. а обижать все-таки не надо,—Богъ съ ними! Вы думаете, я не любилъ?? Любилъ! и меня любили, и теперь всё любить; а что я проигралъ десять карбованцевъ—наплевать я на нихъ хочу. Да-съ!.. Прощайте!—также неожиданно заключилъ Ардальонъ Карповичъ, какъ и началъ.

— Куда это вы,—Богъ съ вами!—заговорила матушка.

— Не могу, Анна Федоровна, ей Богу не могу! Прощайте!.... Кума—имянинница.

— Какая кума?

— А высоченская попадья... какъ же, кума! *Дітей христовъ, ажъ троохъ*,—объяснилъ Росоха, и уѣхалъ.

Такъ кончился еще одинъ изъ первыхъ дней моего пребыванія въ Малороссіи. Мною овладѣла невыразимая, невыносимая тоска. Я весь былъ проникнутъ тяжелымъ сознаніемъ того, что такъ глубоко почувствовано и такъ сильно высказано нашимъ великимъ *Кобзаремъ*:

Україно, Україно!

Оце твої діті,—

Твої квіти молодіі...

и прочая.

Ка—па.